

INSPIRIA

Обещание

«Горько-сладкая история, позволяющая с открытым сердцем наблюдать за переменами в жизни семьи Шеппард, их горем и показывающая, что счастье – это самое главное».
WOMAN AND HOME

Люси
ДАЙМОНД

INSPIRIA

Сирсаке. Прелестная Люси Даймонд

Люси Даймонд

Обещание

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Даймонд Л.

Обещание / Л. Даймонд — «Эксмо», 2020 — (Сурсаке.
Прелестная Люси Даймонд)

ISBN 978-5-04-166737-5

Люси Даймонд — королева семейных драм. Ее истории уникальны, они попадают в самое сердце, дарят надежду, радость и любовь читателям по всему миру. В глазах окружающих и самых близких Патрик Кристофер Шеппард был замечательным отцом, мужем и сыном, которого все любили и уважали. Он был идеальным, в отличие от своего брата Дэна. И вот Патрика не стало. Дэн всей душой хочет помочь семье пережить горе утраты. Он обещает быть рядом. Он обещает любить и заботиться. Он обещает дать второй шанс всей семье и самому себе обрести счастье. Но так ли идеален был его брат? И надо ли быть идеальным, чтобы сделать счастливыми своих близких? «Горько-сладкая история, позволяющая с открытым сердцем наблюдать за переменами в жизни семьи Шеппард, их горем и показывающая, что счастье — это самое главное». — Woman and Home «Люси Даймонд в ее лучшем проявлении. Это потрясающий роман, который разобьет ваше сердце на мелкие кусочки, а затем снова склеит их воедино». — Милли Джонсон «Идеальная семейная драма, персонажи которой не оставят вас равнодушными». — My Weekly

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-166737-5

© Даймонд Л., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Пролог	7
Глава первая	8
Глава вторая	16
Глава третья	26
Глава четвертая	29
Глава пятая	34
Глава шестая	44
Глава седьмая	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Люси Даймонд

Обещание

*Посвящается Мартину,
тому, кого я люблю больше всех*

Пролог

Близилась полночь. Под звездным небом, то морщась, то разглаживаясь, текла черная, как смола, Темза. Плавучие дома на причалах казались призрачными силуэтами, морозец разбросал ледяные блестки по крышам и перилам, посеребрив каждую дрожащую травинку. Высоко в небе сиял полумесяц, блестящий, как свадебный атлас.

Мужчина нетвердой походкой шел по тропинке вдоль реки, засунув руки в карманы и опустив голову. Казалось, его мир накренился, и он не знал, как снова обрести равновесие. День начался с тревожного телефонного звонка – «Мне нужно кое-что тебе сказать», – оставившего его с покалывающим ощущением ускользающей меж пальцев удачи и предчувствием того, что, возможно, обаяния, на которое он всегда полагался, на этот раз может оказаться недостаточно для того, чтобы его спасти. Затем, чувствуя себя загнанным в угол, он без причины набросился на людей, которых любил, причиняя им боль своими словами. Теперь его охватил нарастающий прилив страха, от которого он никак не мог избавиться.

Что делать? Неужели он все испортил?

Пронизывающий ветер с реки коснулся лица, где-то вдалеке раздался визг лисы, пронзительный и нервный, словно крик ребенка. Мужчина повыше натянул воротник пальто, жалея, что он еще не дома, где входная дверь заперта на засов, в постели тепло и безопасно и с тихим пощелкиванием и скрипами остывают трубы отопления. Но заслуживал ли он вообще того, чтобы находиться дома после того, что сделал?

Внезапно за спиной послышались шаркающие шаги. Окрик:

– Эй! Приятель!

Он обернулся. А затем...

Глава первая

Не то чтобы Дэн после похорон намеренно избегал Зои. Тем не менее, когда он мельком увидел ее с Би в конце ряда в супермаркете, его первой мыслью было свернуть и спрятаться. Пот выступил между лопатками, в крови резкими скачками разлился адреналин. Все его инстинкты кричали о том, что нужно убираться отсюда, быстрее убежать, – но потом он представил, как спасается бегством, словно преступник, низко пригнувшись на водительском сиденье машины, и понял, что будет чувствовать себя еще большим подонком. Что кое о чем говорило.

Он спрятался за стеллажом с канцелярскими принадлежностями в конце прохода и почувствовал, как внутри что-то сжалось при взгляде на Би. На ней был грязный костюмчик единорога, радужно-полосатый рог на капюшоне уныло клонился вниз. Она тащила за Зои, которая толкала тележку. Неужели по круглому личику племянницы текли слезы? Да, понял он, так и есть. Би всегда была беззаботной жительницей своего собственного волшебного мира грез наяву; Дэн вспомнил, как она в свой шестой день рождения задувала свечи на торте и говорила, что, когда вырастет, хочет стать настоящим единорогом. Непоседливая, вся в ямочках, Беатрис Роуз Шеппард всегда была папочкиной зеницей ока и всеобщей любимицей. Но явно не сегодня.

«Давай, Дэн. Не трусь. Хотя бы поздоровайся», – приказал он себе.

Он поспешил догнать их.

– Зои, привет.

Его пронзил стыд, когда он заметил, как она исхудала и побледнела, каким отсутствующим стал ее взгляд. Зои, с ее золотистыми волосами и розовыми щеками, всегда отличалась пышущим здоровьем, но сегодня у нее была тусклая кожа и омертвевшее выражение лица человека, который только что прожил худшие недели своей жизни.

Зои ответила не сразу, и Дэн робко добавил:

– Привет, Би.

– Привет, – с влажными глазами пробормотала Би. Затем ее розовая нижняя губа оттопырилась, задрожала, и девочка топнула ногой, возвращаясь к спору. – Мамочка, но почему нет? – надулась она.

Не обращая на нее внимания, Зои неприветливо посмотрела на Дэна.

– Я думала, ты в Южной Америке. – Вот и все, что она сказала.

Дэн опустил голову.

– Я не поехал, – ответил он.

Это же очевидно. Его наполовину упакованный чемодан так и лежал на полу в спальне. Он до сих пор его не разобрал, не выложил аккуратные стопки новых шорт, футболок и походных носков, но, по крайней мере, ему удалось вернуть большую часть денег за билеты на самолет. Теперь весь этот маршрут, который они с Тигги обсуждали и планировали, казался сном: горы, на которые он собирался подняться, храмы, джунгли и пляжи, которые, как он думал, они посетят, праздники и вечеринки в полнолуние, от которых она была в таком восторге. Великое приключение Дэна, чтобы весь мир понял, что в его жизни есть нечто большее, чем электронные таблицы и расчеты. Как обычно, он даже не добрался до аэропорта. Уйдя в трехмесячный творческий отпуск¹, он почти нигде не побывал, кроме коронерского суда, крема-

¹ Творческий отпуск (саббатикал) – распространенное явление в академических кругах, но в наше время это перестало быть прерогативой только ученых и преподавателей. Любой человек может взять саббатикал и отправиться путешествовать. Творческий отпуск – это более продолжительный перерыв в работе, обычно от двух месяцев до года.

тория и собственной убогой квартирki. Дэн сглотнул, осознавая неловкую паузу, повисшую между ним и невесткой.

– Так как у вас дела?

Глупый, глупый вопрос. Глупец, глупец. Как у них дела? Прошло три недели с тех пор, как умер Патрик; дела у них, вероятно, шли так же плачевно, как и у Дэна. Если не хуже. В последний раз он видел их на похоронах, после чего выдержал и сдержанный упрек избегающей его взгляда Зои: «Это случилось у тебя на глазах», и более громкую, пронзительную версию своей мамы: «Не понимаю. Почему ты позволил Патрику вот так уйти? Из-за глупого спора. Честное слово, Дэниел!» В конце концов, он повторил «Извините» и «Он ушел, прежде чем я смог его остановить», попался в петлю осуждения и был вынужден прибегнуть к отчаянной самообороне: «Послушайте, вы знаете, каким был Патрик? Он был совершенно не в себе, ясно? Я разозлился!» Это было встречено поджатыми губами и осуждающим покачиванием головой, что почему-то оказалось хуже любых громких обвинений. «Да, и теперь он мертв, – сказала молчание его матери. – Мертв – и виноват в этом только ты».

– Да так, – ровным голосом ответила Зои. – Хромаю помаленьку. Би, ну-ка, сейчас же прекрати, – добавила она, заметив, что ребенок продолжает ныть.

– Но я хочу это, – захныкала Би, прилипнув к стойке с журналами. Там лежал журнал с прикрепленными пластмассовыми крыльями феи, которые она продолжала теревить. – Я хочу это, мамочка, очень хочу. Пожа-а-а-а-луйста!

– Нет, – отрезала Зои. – Я сказала «нет», и точка. Убери руки и не мни страницы; он не твой. Хватит!

Би прислонилась к тележке как подстреленная.

– Это нечестно, – взвыла она, и из глаз брызнули новые слезы. – Ты так плохо ко мне относишься. Ненавижу тебя!

Можно было почти услышать, как Зои скрипит зубами, пытаясь сохранить терпение.

– Разговор окончен. – Шедшая мимо пожилая женщина неодобрительно фыркнула. Костяшки пальцев Зои на ручке тележки побелели, лицо напряглось. – И я не шучу. Еще немного, и я рассержусь.

Дэн открыл рот. Он хотел сказать: «Мне очень жаль». Он хотел сказать: «Я знаю, что это все моя вина». Он хотел сказать: «Позволь мне оплатить твои покупки, позволь мне сделать что-нибудь, чтобы помочь. Я куплю этот журнал для Би – я куплю их все, – я не возражаю».

Вместо этого он спросил:

– Как поживают мальчики?

Теперь Би протестующе пинала тележку, с каждым ударом на потрепанной белой кроссовке вспыхивал розовый огонек. Сердитый, дерзкий единорог с покрасневшим лицом и горящими глазами.

– В порядке, – сказала Зои сдавленным голосом, который означал, что они не в порядке. Ну, конечно, они не в порядке. – Как бы то ни было, – продолжала она, пожимая плечами, – нам пора. Мне нужно забрать Гейба из футбольного клуба через... – Она посмотрела на часы. – Господи, на самом деле через двадцать пять минут. Хоть разорвись. Извините, – добавила она, когда раздраженный мужчина с полной тележкой попытался протиснуться мимо них. – Уйди с дороги, Би.

– Хорошо. – Дэн откашлялся, собираясь сказать больше; сказать что-нибудь, что могло бы навести между ними мосты. Или, по крайней мере, начать склеивать трещину. – Э-э... Может...

Но она уже уходила, бросив «Пока!» сухим, отрывистым голосом через плечо. Колеса тележки протестующе заскрипели, когда Зои свернула в следующий проход.

Дэн стоял, сжимая в руке проволочную корзину супермаркета, и вспоминал, как впервые встретил Зою; как они с Патриком пошли в «Баран», не подозревая, что вот-вот начнется какая-то ужасная караоке-вечеринка.

– Господи, давай убираться отсюда, – простонал Патрик, когда зазвучали вступительные аккорды «Атомик»² и они увидели трех женщин, выжидающе сгрудившихся у микрофона.

Но потом он взглянул еще раз, и его лицо изменилось.

– Посмотри на эту блондинку, – сказал он, не сводя с нее глаз, и они оба замолчали, когда она запела, как Дебби Харри³: «*Your hair is BEAUTIFULLL. Woah-oh, toni-i-i-ight*». Она была выше и стройнее подруг, в обтягивающих джинсах и в ботинках, с длинными светлыми волосами, которые падали ей на плечи, когда она двигалась, и оживленным лицом, к которому невозможно было не ощутить симпатию.

– Я влюбился, – сказал Патрик, когда песня закончилась и раздались беспорядочные аплодисменты.

Затем он добавил:

– Я женюсь на этой женщине, – и встал, добравшись до бара как раз перед тем, как она туда подошла.

– Позвольте мне угостить вас выпивкой, мисс Харри, – услышал Дэн его слова. – Или я могу называть вас Дебби?

Но это, как говорится, другая история.

Зою всегда была веселой. Родом из Южного Уэльса, смешливая, добрая, великолепная. Дэн и сам втайне увлекался ею, пока не вынужден был неохотно признать, что она с его братом были идеальной парой.

«Патрик Шепард наконец-то покорен», – поддразнивали приятели. Все поднимали брови и смотрели недоверчиво: «Кто бы мог подумать?»

Патрик был не только покорен; он встретил достойного соперника.

– Она заставляет меня становиться лучше, – признался он Дэну после нескольких кружек пива в самом начале их романа. – Проявлять усердие. Быть хорошим. Понимаешь, что я имею в виду?

Дэн точно знал, что он имел в виду. Потому что сама Зою была хороша с головы до ног, улыбочивая, светящаяся; это был человек, который обволакивал тебя своим вниманием и согревал своим сиянием. Она внимательно слушала, запоминая крошечные нити разговора, а при следующей встрече восстанавливала их. «Ты получил комиссионные, на которые рассчитывал? Как там отец Ребекки? Как тебе этот фильм – его стоит посмотреть?»

Однажды, сразу после того, как Дэн расстался с Ребеккой, Зою нанесла ему неожиданный визит и застала пьяным в стельку и небритым в комнате с задернутыми шторами в четыре часа дня. Он был смущен, когда увидел ее, такую красивую и чистую, в своей грязной гостиной, и ожидал, что она примется раздвигать шторы и вливать ему в глотку кофе. Вместо этого Зою открыла им по пиву, по-дружески плюхнулась на диван и сказала: «Ну, давай, рассказывай». В итоге ему стало намного лучше: хоть один человек в мире наконец-то смог его понять.

Но сегодня... Сегодня она выглядела ужасно. Ее сияющее лицо осунулось, весь блеск померк, плечи поникли от невыносимой усталости.

«Это сделал я», – подумал Дэн. Он сделал это. Чувство вины было настолько чудовищным, что ему пришлось прислониться к ближайшей полке с поздравительными открытками, потому что он внезапно почувствовал, что пошатнулся, как будто земля под ним сдвинулась. Мужчина с металлическим стуком уронил проволочную корзину на пол и вышел из супермаркета, сгорая от стыда.

² «Атомик» – популярная песня new-wave-группы Blondie.

³ Дебби Харри (Дэбора Энн Харри) – американская певица и актриса, автор песен, лидер new-wave-группы Blondie.

По дороге домой Дэн чувствовал себя оторванным от всего мира, что, кажется, не рекомендовалось правилами дорожного движения. Однако именно такой стала его жизнь после несчастного случая: он будто бы наблюдал со стороны, как течет время, как дни и недели тянутся в каком-то вязком оцепенении, где его ничто не трогает. Сбивчиво объяснив Тигги, что не сможет присоединиться к ней в поездке по Южной Америке, он большую часть времени проводил в постели, словно инвалид, не в состоянии ничего делать, только спать или таращиться в стену. Люди из лучших побуждений продолжали уверять его, что время – великий целитель, но февраль превратился в март, на деревьях начали появляться ранние цветы, а Дэн так и не видел никаких значимых изменений в своей жизни. Шок от смерти брата не прошел, как воспаленная, ноющая рана, ужас оставался свежим и новым, не притупляясь. Он так сильно скучал по Патрику. А кроме ощущения утраты он был опутан и запятнан последним вечером, который они провели вместе; тем, как все это закончилось.

Стоило Дэну закрыть глаза – в любой момент, днем или ночью, – и он видел, как в одиночестве идет домой. Фонарные столбы отбрасывают в темноту конусы оранжевого света, из проезжающей машины звучат то усиливающиеся, то затухающие низкие звуки регги, а из кебабной лавки на углу доносятся запахи жареного лука и пряного мяса. Ночной ветер в лицо холоден, в отличие от алкоголя и ярости, кипящих в крови, кулаки все еще сжаты. Он так ненавидел брата в те последние несколько минут, по-настоящему ненавидел. И все же, как он сейчас хотел, чтобы кто-нибудь тогда сказал ему, предостерег: ты совершаешь огромную ошибку, о которой будешь сожалеть всю жизнь. Остановись, вернись, уладь все. Иначе ты никогда его больше не увидишь.

Однако тогда у него не было никакого предчувствия, и никто его не предостерег. Вместо этого Дэн в одиночестве отправился домой, кипит от раздражения, а в это время Судьба сыграла с ним жестокую шутку. И теперь им всем приходится жить с последствиями того, что произошло.

Он почти не плакал, даже на похоронах. Конечно, у него на какое-то время перехватило горло, особенно при виде Зои и мамы, которые заливались слезами, закрывая лица руками, но и только. Вместо слез внутри была словно скала печали – бремя того, что он был последним человеком в семье, который видел Патрика живым, и сильная боль утраты. «Вот же не разлей вода», – часто с любовью говорила в их детстве мама, взъерошивая мальчишкам волосы, а порой и закатывая глаза от разочарования, если они испытывали ее терпение. Но теперь он остался единственным ребенком в семье.

Придя домой, Дэн опустил на пол в прихожей, вдыхая спертый воздух, свидетельствующий о слишком большом количестве обедов навынос. Он с болью вспомнил крепко сжатые челюсти Зои, оцепенелое изнеможение на ее лице, и ему стало стыдно. Смерть Патрика оставила в ее жизни огромную ужасную дыру, но она продолжала жить – хромала помаленьку, как она выразилась, наполняя тележку супермаркета едой для детей, в то время как Гейб был на футболе, а об Итане, по-видимому, заботились в другом месте. И был бездетный Дэн с очень небольшим количеством обязанностей (можно ли было считать заботу о хлорофитуме? вероятно, нет), погрязший в жалости к самому себе, как будто его одного потрясла смерть брата. Бывали дни, когда он даже не одевался и не вставал с постели. Могла ли Зои позволить себе такую роскошь? Конечно, нет.

«Интересно, как бы отреагировал Патрик в подобной ситуации, – подумал он, – если бы, например, его друг внезапно умер, оставив жену и детей, потрясенных и борющихся?» Если бы Патрик наткнулся на них в супермаркете, на плачущего ребенка, на побежденную мать, он вцепился бы в них в следующее же мгновение – Дэн знал это. Он посадил бы плачущего ребенка на плечи, пришел бы на помощь, взял бы на себя ответственность. «Ничего, я здесь, и я помогу тебе», – прямо сказал бы он, а потом бросился бы в бой и героически спас положение.

А Дэн... Ну, он ничего не сделал. Мужчина выбежал из магазина, вообще не оказав никакой поддержки и не сказав ни слова утешения. «Неудачник, – выругал он себя. – Эгоистичный трус».

Он поймал себя на том, что думает о тех случаях, когда бывал у брата, приезжал до того, как Патрик возвращался с работы; как весь дом наполнялся свежей энергией и шумом в тот момент, когда входил Патрик с криком: «Я дома!» Младшие дети набрасывались на него, как обезьянки, визжа от смеха, лицо Зои вспыхивало, когда он подходил, чтобы поцеловать ее. Как, должно быть, тихо сейчас без него в доме. Как, должно быть, пусто.

И все же Дэн ни разу не был там после катастрофы. Ни разу не взял в руки телефон и не отправил сообщение, потому что не знал, что сказать. Какой же он после этого деверь? Какой дядя? Это было подло с его стороны. Действительно подло.

Внезапно его затошнило от жалости к самому себе. Надоело бездельничать. Он поднялся на ноги, схватил велосипедный шлем и ключи. Смерть Патрика сломила Зою и детей. Что он будет за человек, если хотя бы не попытается все исправить?

– Ох, – явно без энтузиазма сказала Зою, когда открыла дверь и увидела его. – Привет еще раз.

Она вытирала руки посудным полотенцем в серо-белую полоску, и Дэн запоздало сообразил, что, должно быть, уже половина шестого, и она, вероятно, занята приготовлением ужина. Он раздумывал о многом, когда ехал на велосипеде вдоль реки в Кью, но эта мысль не приходила ему в голову. «Хорошее начало, Дэн», – подумал он со вздохом.

– Привет, – сказал мужчина и с тревогой заметил, что она по-прежнему не улыбается. – Ничего, если я войду? Просто подумал, что я... – Дэн замолчал, смутившись.

«Просто подумал, что заскочу и посмотрю, как вы все», – собирался он сказать, но это прозвучало бы нелепо, учитывая, что ему потребовалось так много времени, чтобы побеспокоиться о них.

– Решил поздороваться, – вместо этого робко сказал он. – Еще раз.

Зою дернула плечом, ее губы сжались в тонкую линию, как будто ей было все равно, но, тем не менее, придержала для него дверь.

– Спасибо, – сказал он, втаскивая велосипед вверх по ступенькам.

Стараясь не оставить маслянистого следа, прислонил его к кремовой стене и обнаружил, что смотрит на висящую рядом фотографию в рамке: Патрик и Зою расписываются в день своей свадьбы. На этой фотографии Патрик был в своем лучшем темно-сером костюме, с белой гвоздикой в петлице и аккуратно подстриженными густыми темными волосами. Чуть наклонившись, он смотрел на Зою с такой любовью, с таким обожанием, что у Дэна слезы обожгли глаза. Любить и беречь, пока смерть не разлучит нас. «О, Патрик», – подумал он, внезапно снова почувствовав себя опустошенным. Как могло случиться, что его брата больше нет рядом, он не придет, чтобы хлопнуть Дэна по спине и предложить выпить пива? «Все в порядке, приятель?» – «Да, неплохо. А у тебя?»

– Прости, – сказал он, осознав, что замер в безмолвной скорби. Подумал, что оказался прав насчет тишины в доме. Атмосфера походила на затаенное дыхание. Подавленное рыдание.

– Хм, да. Я тут подумал... Мы можем поговорить?

– Конечно, – сказала Зою, не сдвинувшись с места.

Она действительно ненавидела его. Женщина даже не хотела, чтобы он заходил дальше в дом.

– Может?... – Слова застряли у него в горле.

Патрик и Зою всегда были такими щедрыми хозяевами, предлагали еду и напитки, уговаривали остаться – «никто никуда не спешит, садись и угощайся!» – но сегодня обида исходила

от нее волнами. «Уходи, уходи, – твердил язык ее тела. – Ты должен был остановить его. Он был бы здесь, был бы жив, если бы не ты».

Дэн заставил себя закончить фразу:

– ...может, пойдём на кухню?

– Хорошо.

Зои повернулась и прошла по коридору в просторную, залитую светом кухню. Он вспомнил, как они строили эту пристройку, когда только родился Гейб; как хлопающие листы синего пластика на торце стены испугали Итана, которому в то время было года четыре. Эта комната была сердцем дома: длинный дубовый стол, чаще всего накрытый, с парой дополнительных мест для друзей. Повсюду виднелись словно бы занесенные илом слои и структура семейной жизни: на стенах – праздничные фотографии в рамках и плакаты в стиле ар-деко рядом с нарисованными мелкими рисунками; красочная коллекция пятнистых кружек на комодике вперемежку с кривоватыми горшочками школьного изготовления; холодильник мог похвастать грамотами за хорошее правописание и футбольные победы, благодарностями за творчество.

Сейчас эта комната выглядела иначе. Возможно, виноват был скудный послеполуночный свет, который сделал ее более тусклой, чем обычно, но здесь определенно поселилась новая атмосфера небрежения. Некоторые растения на подоконнике сморщились и завяли, их листья местами ужасно побурели. Рядом с мусорным ведром стоял ящик с не рассортированным мусором – картонные коробки, пустые банки из-под йогурта и консервные банки. И повсюду валялись случайные вещи: библиотечные книги и нераспечатанная почта, пара наколенников, рулон скотча, разорванное ожерелье, таблица правописания... Рыцарь Лего лежал лицом вниз на масленке, и Дэн поднял и поставил его, гадая, где же дети. Ему показалось, что он попал в альтернативную вселенную, оторванную от реальной жизни.

– Извини за беспорядок, – сказала Зои. Ее голос звучал вызывающе, как будто она ждала, что он сделает ей замечание. – Я готовлю ужин.

– Да. Извини, – эхом отозвался он, не зная, что еще сказать. Дэн увидел, что на гриле шкворчат сосиски, на плите пенится кастрюля с картошкой, а сбоку лежит разделочная доска с горкой начищенной моркови. – Могу я... что-нибудь сделать?

Проклиная себя, он понял, что не принес ей даже символического подарка. Ни цветов, ни вина, ни единого предложения помириться.

– Все в порядке, – сказала она. – Хочешь чего-нибудь выпить? Я собираюсь продолжить готовку, если ты не против.

– Конечно, – отозвался он. Мужчина не мог заставить себя согласиться выпить, несмотря на то, что в глотке пересохло. Он больше ничего не мог от нее взять. – Хм. Итак, – начал он, – я просто... – Дэн замолчал, пытаясь вспомнить речь, которую сочинил по дороге сюда. Тогда она казалась неплохой, даже благородной, но теперь все нужные слова куда-то подевались. – Я пришел сказать, что мне жаль, что я не был здесь целую вечность, но я действительно хочу помочь, – сумел выдавить он. «Я тоже грущу, – хотел сказать Дэн. – Я был в полном раздрае. Сегодня я впервые побрился за последние две недели». – Я хочу поддержать тебя и детей, – продолжал он. – Буду рядом с вами. Так что, если я могу что-нибудь сделать, то...

– МАМОЧКА! Он меня ударил! – Би с воплем ворвалась в комнату, словно маленький бушующий торнадо. – Гейб ударил меня пультом дистанционного управления, прямо сюда. – Натопорщившись от самодовольства, она указала на свой висок, где расцвела красная отметина. – Видишь?

Плечи Зои напряглись.

– Гейб, – тусклым голосом крикнула она. – Я тебе что говорила? Если вы не можете договориться, я выключу экран. Ты меня слышишь?

– Ты сказала, что запретишь ему пользоваться приставкой, если он сделает это снова, – поспешила напомнить ей дочка. – Сейчас же запрети ему, мамочка. Скажи ему!

– Я занята, – сказала Зои, не оборачиваясь и нарезая очередную морковь.

– Привет, Би, – сказал Дэн. Он понял, что это его шанс сделать что-то полезное. – Давай вместе накроем на стол, чтобы помочь мамочке?

– Это работа Итана, – бросила девочка, снова срываясь с места. – Гейб! Мама говорит, что у тебя большие неприятности, – услышали они ее крик. – Очень, очень БОЛЬШИЕ. Если еще хоть раз прикоснешься ко мне – ты покойник.

От слов дочери Зои вздрогнула, но прежде чем Дэн успел что-либо сказать, в комнату вошел Итан.

– Что у нас на ужин? – спросил он. – О, дядя Дэн, привет.

Итан был высоким и худощавым, бледнолицым, в больших квадратных очках и с пышными рыжевато-каштановыми волосами. Этот тихий, задумчивый и артистичный мальчик, казалось, создавал целые миры в своем раскрепощенном уме. В детстве он был таким серьезным малышом, с привычкой, склонив голову набок, задавать один поразительный вопрос за другим. Теперь ему было четырнадцать, и он так и остался странным. Патрик беспокоился о том, как парень пойдет в среднюю школу. «Он не такой, как другие дети, они прибьют его», – однажды пожаловался он Дэну. Но Итан, кажется, до сих пор умудрялся оставаться невредимым.

– Сосиски с пюре, – коротко ответила Зои.

– Привет, приятель, – сказал Дэн. – Как дела в школе?

Он тут же смутился от собственных слов, потому что, во-первых, Итан не был ему «приятелем», а во-вторых, ни одному ребенку не нравится, когда его спрашивают, как дела в школе, ведь это самый скучный вопрос в мире.

– Работаешь над новой скульптурой? – быстро добавил он, словно пытаясь доказать, что действительно встречался со своим племянником раньше.

– Не-а. Я перестал ходить в клуб. – Итан выхватил несколько столовых приборов из ящика стола и начал разбрасывать их по столу.

– Ох. Какая жалость, – сказал Дэн, поправляя вилку.

Он смутно помнил, что Итан был вне себя от радости, когда ему предложили место в клубе – каком-то модном творческом сообществе в Уондсворте, где делали всевозможные странные и замечательные произведения искусства из проволоки, железок и глины.

– Как так вышло?

– Не думаю, что нужно снова об этом говорить, – заметила Зои, бросая нарезанную морковь в кастрюлю с кипящей водой.

Итан стиснул зубы и ударил по последнему ножу с такой силой, что тот закружился на месте. Затем он вылетел из комнаты.

– Отлично, – пробормотала Зои, закатывая глаза.

– Извини, – сказал Дэн, кажется, в сотый раз с тех пор, как приехал. – Я не знал.

Зои резко обернулась, сверкнув глазами.

– Конечно, Дэн, ты этого не знал. Не знал, потому что понятия не имеешь, что у нас происходит. – Она захлопнула крышку кастрюли с морковью, голубое пламя под ней дернулось и затрепетало. – Приходишь и блеешь свое «извини» раз за разом, как будто это что-то изменит. Ну, этого недостаточно. Ты опоздал!

– Извини, – повторил Дэн, прежде чем успел остановиться, затем поморщился. – Но, послушай, я действительно хочу помочь. Я...

– Нет, это ты послушай, – перебила она, скрестив руки на груди, но тут Би снова ворвалась в комнату, на этот раз завывая.

– Он заломил мне руку прямо за спину. Это больно! Кажется, она сломана!

Зои напряглась, как будто вот-вот могла разлететься на куски.

– Хочешь помочь? – спросила она Дэна так яростно, словно атаковала его. – В самом деле хочешь помочь?

– Да, конечно, – подтвердил он.

Он думал, что она собирается попросить его поговорить с Гейбом. Или налить к ужину воды в стаканы. Или прийти завтра и прогнать газонокосилку по саду, который выглядел довольно запущенным.

– Отлично, – отрывисто бросила Зои. Подняла руки вверх, показывая, что сдается. – Тогда все это – на тебе, – сказала она. – Все – ужин, дети. А я уйду.

– Что... куда? – удивленно спросил Дэн, но Зои уже направлялась к двери.

– МАМОЧКА! – закричала Би, бросаясь за ней. – Не уходи! Вернись!

– Какого черта?.. – спросил Итан, когда мимо него сначала пронеслась мать, а затем – сестра.

В коридоре Би вжалась в Зои всем телом и обхватила ее за ноги.

– Мама, нет, – кричала она. – Не оставляй меня!

– Перестань драматизировать, – сказала Зои, засовывая ключи в карман джинсов. – Я не уезжаю навсегда. Мне просто нужна передышка. – Она оторвала руки маленькой девочки от своих колен. – Веди себя хорошо с дядей, – добавила она, выходя.

– МАМОЧКА! – взвыла Би. Входная дверь захлопнулась.

Сквозь красные и зеленые фрагменты витражного окна на двери было видно, как Зои быстро идет по дорожке, а затем сворачивает на тротуар. Дэн моргнул, и она исчезла. Тем временем Би с причитаниями каталась по ковру, размазывая по лицу сопли. Дэн вспомнил, что она уже потеряла одного родителя. Он должен быть с ней добрым и терпеливым.

– Все в порядке, – сказал Дэн, опускаясь на колени. Он осторожно положил руку ей на плечо, как будто она была диким зверьком, но Би со всхлипом стряхнула ее. – Мама скоро вернется. Она просто пошла прогуляться. Не хочешь помочь мне приготовить чай?

– Нет! Пусть она вернется!

– Ей нельзя братья за посуду, – ни к селу ни к городу вставил Итан. – Она слишком маленькая. Только разольет что-нибудь или ошпарится.

– Не разолью! – Би, лежа лицом вниз, лягнула ногой, едва не заехав Дэну прямо в пах.

– Эй, – взвизгнул он, отшатнувшись. – Успокойся, – продолжил мужчина с безопасного расстояния. – Давай, поднимайся и... – Он изо всех сил пытался придумать, что она могла бы сделать. – Ты можешь помочь мне размять картошку. Держу пари, ты отличный давилщик.

Би ничего не сказала, но снова дико лягнула воздух и для пушей убедительности ударила ногой по полу, радужный хвост ее комбинезона-единорога подпрыгивал при каждом движении.

– Я хочу к маме, – всхлинула она. – Мамочка!

– Оставь ее, – сказал Итан, поворачиваясь обратно к кухне. – Она просто пытается привлечь к себе внимание. И так, типа, каждый день. Такая скука.

Дэн заколебался, чувствуя себя беспомощным. Би казалась искренне расстроенной; он не мог просто бросить ее там. Что еще он может предложить племяннице, кроме картофельного пюре?

– Хм... – начал он, но в голову не приходило ни одной полезной мысли.

Он так и не успел ничего придумать, и тут с кухни донесся крик:

– Дядя Дэн! Вы в курсе, что сосиски сгорели?

Глава вторая

Это был не самый аппетитный ужин в жизни Дэна. Сосиски сгорели. Пюре получилось комковатым, морковь – волокнистой и недоваренной.

– Отвратно, – надулась Би. На ее ресницах все еще блестели слезы.

– Да, довольно мерзко, – согласился Гейб. У него были вьющиеся каштановые волосы, на нем красовалась заляпанная грязью футбольная форма. Он добавил в свое пюре изрядную порцию кетчупа и перемешал. – Розовое пюре. Гадость, – прокомментировал он с нескрываемым ликованием. – Как дорожно-транспортное происшествие. Мозги повсюду.

– Гейб, заткнись, – сказал Итан.

– А ты заставь меня заткнуться, – усмехнулся Гейб, поднимая вилку с розовым пюре и мягкими влажными лепешками роняя его на тарелку. – Мо-о-озги-и-и, – прокукарекал он, украдкой поглядывая на брата.

Итан нахмурился, и Дэн поймал себя на том, что гадает, где Зои и как долго она намерена не возвращаться. И не стало ли его прискорбно позднее явление в дверях последней каплей после худших трех недель ее жизни.

Би протестующе отодвинула тарелку, и Дэн почувствовал, что должен действовать быстро, пока ужин не погрузился в еще более мрачные глубины.

– Это довольно дрянной ужин, – признал он, после чего быстро добавил: – Тут виноват я, а не ваша мама, – на случай, если кто-нибудь решит припомнить ей это позже. – А где здесь ближайший магазинчик с чипсами?

Его слова произвели эффект волшебного заклинания: все три головы повернулись в его сторону. Да, он действительно был в отчаянии, и чувство вины заставило его проявить слабость.

– На Сэндикомб-роуд, – ответил Итан. – Минут пять ходьбы. Четыре, если поторопиться.

– У нас действительно будут чипсы? – с легким подозрением уточнила Би. – На самом деле, действительно и по-настоящему?

– ЧИПСЫ! – завопил Гейб, явно не испытывая никаких сомнений. Он воткнул нож и вилку в отвратительное розовое месиво, спрыгнул со стула и встал в позу супергероя. – ЧИПСЫ СПЕШАТ НА ПОМОЩЬ!

Его энтузиазм оказался заразительным.

– Чипсы – мои самые любимые! – взвизнула Би.

Даже Итан нетерпеливо вскочил из-за стола.

– Ну и чего же мы ждем? – поинтересовался Дэн, и они, бросив дрянной ужин, отправились в путь.

«Первый урок по уходу за детьми: откупись от них жареной едой, – морщась, думал он по дороге, очень надеясь, что они не столкнутся с Зои на обратном пути. – Прости, Зои. Прости, Патрик. Просто заливаю ваших детей жиром и солью, потому что я даже не смог присмотреть за сосисками, чтобы они не сгорели. Однако, с другой стороны, дом я не спалил, верно? Во всяком случае, пока нет!»

По крайней мере, все повеселели. Би прыгала и кружилась вокруг каждого фонарного столба, распевая песенку о куриных наггетсах, Гейб подробно рассказывал Дэну о сегодняшнем занятии в школьном футбольном клубе. По его версии событий он забил около восемнадцати голов, в том числе несколько ударов головой, удар сверху и один с середины линии. «Невероятно!» – всякий раз восклицал Дэн.

Только Итан молчал, и Дэн бросил на него взгляд.

– Все в порядке, И? – спросил он.

Гейб, оторвавшись от рассказа об удивительном ударе с лету, в результате которого он сделал свой первый хет-трик⁴, взглянул на брата.

– О, – произнес он, наморщив нос.

Почти постоянно растрепанный Гейб со своими непослушными вьющимися волосами и веснушками чем-то неуловимо походил на героя серии книг «Просто Уильям»⁵.

– Это потому, что я рассказываю о футболе. Его это по-настоящему злит. Потому что у него проблемы с управлением гневом. И...

– Заткнись, тупица, – рявкнул Итан, ткнув его локтем, и Гейб тут же толкнул его в ответ.

– Видишь? – закричал он, уворачиваясь, когда рассвирепевший Итан замахнулся снова. – Видишь, дядя Дэн? Гнев. Проблемы. Это то, о чем его учитель говорил маме. И я... ой! Видишь? А теперь он бьет меня.

– Давайте-ка полегче, – сказал Дэн, но это не возымело эффекта. – Мальчишки! – Они начали всерьез ссориться, и он с облегчением увидел впереди огни магазина, похожие на приветственный маяк. Гейб всегда умел заводить старшего брата, но на этот раз, когда Итан набросился на Гейба, он выглядел просто убийственно. – Хватит, вы двое, мы уже пришли, прекращайте! – сказал Дэн, хватая обоих и отрывая друг от друга. – Ну ладно, парни, чего вы хотите?

– Вообще-то я не парень, – напомнила ему Би. – Но я хочу куриные наггетсы и чипсы, пожалуйста, дядя Дэн.

Итан был по-прежнему бледным, а Гейб – потным и набычившимся. Очевидно, магия пакета чипсов не могла решить всех проблем, хотя мальчишки и перестали пытаться ударить друг друга, по крайней мере, на время, чтобы пробормотать свои просьбы. И на том спасибо.

Вернувшись в дом, все с большим аппетитом принялись за еду. Дэн то и дело поглядывал на часы, которые отсчитывали минуты, но никаких признаков возвращения Зои не было. Дети болтали между собой, а он все время прислушивался к звукам входной двери, задаваясь вопросом, не делала ли Зои то же самое по привычке, как прислушивалась раньше в ожидании возвращения Патрика. Наверняка прислушивалась. Некоторые привычки настолько сильны, что превращаются в мышечную память, встроенную в наши клетки. После того, как Ребекка ушла, Дэн долго не мог заснуть в пустой кровати, потому что все время ждал, что она ляжет рядом. Он все еще вспоминал о ней в годовщину их свадьбы и в день ее рождения, воспоминания с каждым годом становились все менее болезненными, приобретая горько-сладкий привкус. Но все равно. Он изо всех сил старался не думать о ней, особенно после того, как...

«Не думай об этом», – быстро сказал он себе. В последнее время он потратил достаточно времени, мучаясь из-за нее.

Когда они закончили ужинать, была половина седьмого. И что теперь? Дэн задумался. Вернется ли Зои до того, как дети лягут спать, или он должен уложить их?

– У кого-нибудь есть домашнее задание? – спросил он, и у них вытянулись лица. – Или мы можем во что-нибудь поиграть? – поспешно добавил он.

Итан поднялся наверх, а Гейб заявил, что ему нужно «закончить уровень» игры «Тор», и снова вцепился в приставку. Оставалась Би, которая сказала Дэну, что действительно хочет поиграть. В единорогов. Это значило, что Дэн должен ползать на четвереньках по игровой комнате, в то время как Би властно сидела у него на спине, время от времени произнося заклинания, которые позволяли им вместе летать в различные волшебные страны. Она казалась настолько жизнерадостной, что он не осмелился пожаловаться на то, что, скорее всего, стер руки об напольное покрытие, хотя и почувствовал огромное облегчение, когда Гейб окликнул его и сказал, что уже семь часов и «мальшке Би» пора спать. После неизбежного спора с бра-

⁴ Хет-трик – достижение в ряде видов спорта и игр, связанное с числом три. Появление термина связано с игрой в крикет, но в настоящее время он наиболее часто употребляется применительно к футболу и хоккею с шайбой.

⁵ «Просто Уильям» – серия детских рассказов о маленьком школьнике Уильяме Брауне, написанная Ричмалом Кромптоном.

том о том, что она уже не ребенок, а он на самом деле свинья, девочка, в конце концов, согласилась и поплелась наверх. «Уход за детьми – утомительное дело», – подумал Дэн, наблюдая за тем, как племянница в ванной чистит зубы. Как Зои удавалось справляться с этим в одиночку, день за днем? Справляться с волнением, вызванным горем ее детей, вдобавок к ее собственному, с несчастным видом проводить долгие вечера без мужа – это казалось невыносимым. Невозможным.

– Ох, я что, должен тебя искупать? – спросил он, запоздало заметив ряд полотенец с изображениями зверюшек на стене ванной.

– Хм, – сказала Би с полным ртом пенящейся зубной пасты. – Обычно я принимаю ванну, а потом чищу зубы. Ты все перепутал, дядя Дэн!

– О боже, – сказал он. – Не бери в голову. Уверен, на этот раз ты можешь отправиться в постель вонючей.

– Девочки не воняют, – возмутилась Би. – В любом случае, – продолжала она, как будто ей только что пришло что-то в голову. – Как я засну без маминой сказки? – Девочка сполоснула зубную щетку и устроила грандиозное шоу, демонстративно плюнув в раковину. – А песенка про папу?

– Какая песенка про папу? – спросил Дэн, следуя за ней в сплошь розовое, украшенное бантиками королевство принцесс, которое было ее спальней.

Стены, занавески, ковер – все сияло теплыми розовыми оттенками, а над кроватью был нарисован сверкающий сказочный дворец. Дэн поймал себя на том, что представляет, как Патрик поднимается на стремянку, красит стены и развешивает постельные банты, и почувствовал, что волосы у него на затылке встают дыбом. Как же брат любил свою маленькую девочку.

Би расстегнула костюмчик с единорогом, бросила его на пол и запела. Ее голосок был высоким и сладким, хотя и зазвучал немного глухо, когда она начала стаскивать школьную форму, а джемпер застрял у нее на голове.

Я скучаю, папочка,
Скучаю по тебе.
Мой любимый папочка,
Свет в моей судьбе.
Пожалуйста, верни-и-ись!
Люблю тебя, твоя Би.

Если раньше Дэну было просто грустно, то теперь горе грозило задушить его. Как мог шестилетний ребенок вынести потерю отца, когда раньше мир был сплошным волшебством и сказкой? Он с трудом мог себе это представить.

– Чудесная песня, – прохрипел он, когда она натянула пижамные штаны, а затем попыталась встать на кровати в шаткую стойку на голове. – Действительно особенная. Ты сама ее придумала?

Ее ноги подкосились, она захихикала и надела пижамную курточку.

– Мама немного помогла, – призналась она, ныряя в рукава. – Например... одно слово. И кое-что из мелодии. Но все остальное я придумала сама.

Он обнял ее, потому что на мгновение не смог найти слов.

– Я тоже скучаю по нему, – сказал он, прижимая к себе маленькое тельце.

– Он был твоим братом, – сказала она, отстранившись через несколько секунд и посмотрев на него. Они были так близко, что он видел каждую светлую ресничку. Взгляд голубых глаз был спокойным и оценивающим, как и у Зои, но слегка заостренные уши и выразительные брови определенно достались ей от отца.

– Да.

Би пожала плечами и сморщила нос.

– Я не против, если мои братья умрут, – бессердечно сообщила она. – Но я скучаю по папе. Сильно. Вот так, – уточнила Би, широко раскинув руки.

– С ним было весело, правда? – сказал Дэн.

– Да, с ним правда было весело. И он иногда подбрасывал меня. Так высоко, я как будто летала. – Она вывернулась из его объятий и запрыгнула на кровать. – И он катал меня на плечах и разрешал взьерошить ему волосы. И когда он смеялся, он делал так: ХА-ХА-ХА. – Она откинула голову, до жути напоминая Патрика, и Дэн на мгновение закрыл глаза, потому что точно знал, что она имела в виду.

– Он был хорошим папочкой, – согласился он. Его эмоции нарастали и накатывали, как прилив; нужно было сменить тему, прежде чем его затянет на дно. – Ну, ладно, – сказал он. – Поскорей забирайся под одеяло и засыпай.

Девочка уютно устроилась под пуховым одеялом и протянула руки для последнего объятия, обхватила его за шею, когда он наклонился.

– Спокойной ночи, папочка, – сказала она ему на ухо, и он напрягся. Было ли это обмолвкой, подумал он, или она притворялась, чтобы утешить его? В любом случае его сердце разрывалось. – А теперь скажи «Спокойной ночи, малышка Би», – проинструктировала она. Теплое мятное дыхание коснулось его шеи.

Камень в горле с каждой секундой становился все более похожим на валун, и ему пришлось по-настоящему сглотнуть, прежде чем он смог заговорить.

– Спокойной ночи, малышка Би, – эхом отозвался он.

Она отпустила его и перевернулась на бок.

– Бзз-бзз, – пробормотала она и закрыла глаза.

Дэн помолчал на случай, если последуют дальнейшие приказы, но она умолкла, и почти сразу же ее дыхание стало глубже и протяжнее. Он смотрел на нее с болью в груди. «Спокойной ночи, папочка». Он снова припомнил ее слова, и от их остроты у него перехватило дыхание. Как бы она ни старалась справиться со своим горем и болью, окунуться в них было действительно тяжело.

«Бедняжка, – усмехнулась Зои у него в голове. – А ведь все это из-за тебя, не так ли, Дэн?»

Когда он покинул спальню Би и спустился вниз, была уже половина восьмого, на улице стемнело, но Зои так и не было. Он задавался вопросом, что она сейчас делает; была ли она с друзьями в шумном баре или нашла спокойное убежище в чьем-нибудь доме; была ли она пьяна или плакала, или и то и другое вместе?

– Гейб? – позвал он, входя в гостиную, и остановился при виде младшего племянника, крепко спящего на диване, все еще полностью одетого и сжимающего в руках игровой пульт. Лицо Гейба, обычно такое оживленное, от сна смягчилось, рот приоткрылся, густые длинные ресницы подрагивали. Дэн поймал себя на том, что вспоминает, как родился Гейб, как они с Ребеккой ухаживали за Итаном, пока Зои рожала, как наконец раздался ликующий телефонный звонок Патрика: «Маленький мальчик – ну, на самом деле не такой уж маленький, он весит девять фунтов три унции, такой громадный! Верь, Гейб начнет жизнь на ура!»

Дэн запомнил тот день еще и потому, что ему понравилось возиться с Итаном. Это был первый раз, когда они с Ребеккой несли единоличную ответственность за ребенка, и ему это действительно пришлось по душе. Они пошли в парк и вместе играли в песочнице, потом, вернувшись домой, Дэн нашел оставшийся рулон обоев и расстелил его на полу, чтобы они могли нарисовать сложную дорожную сеть, по которой могла проехать игрушечная машинка Итана. Некоторое время Дэн опасался, что у него не получится развлечь маленького серьезного племянника, но потом ощутил, как что-то внутри него разгорелось. Мальчик был спокоен и

счастлив, болтал без умолку, пока они рисовали. «С этим у меня порядок, – сказал он себе, хваля Итана за его старательные каракули. – Это я могу».

Позже они отвезли Итана в больницу, чтобы познакомить с новым братиком, воочию увидели тепло и чудо появления новой жизни: Патрик и Зои так радовались, мама и отчим Зои приехали из Южного Уэльса, его собственные родители тоже были там, и все пребывали в восторге. Вся эта радость вызвала у Дэна неожиданный укол зависти к тому, что имел Патрик: детям, семейной жизни, всему тому будущему, которое они строили для себя. Должно быть, в тот вечер это отразилось на его лице, потому что, когда он повернулся к Ребекке с незадачным вопросом, она покачала головой, прежде чем он открыл рот. «О нет, – сказала она. Они лежали в постели, ее длинные каштановые волосы разметались по плечам, и она угрожающе погрозила ему пальцем. – Остановись. Я знаю, что ты собираешься сказать, и мой ответ – ни в коем случае. Растяжки и швы? Это не для меня».

Если бы Дэн прислушался к ее словам, возможно, он услышал бы призрачный звоночек, слабое предупреждение, но в следующую секунду она откинула одеяло, обнажив плоский живот и маленькие идеальные груди. Это его отвлекло. «Я не собираюсь это портить. После всех занятий пилатесом? И этих чертовых диет? Это было бы трагедией». Что и говорить, тогда он был с ней согласен. Честно говоря, он согласился бы со всем, что бы она ни сказала ему в тот момент.

Как бы то ни было, девять лет спустя новорожденный Габриэль превратился в дерзкого, очаровательного и упрямого ребенка, который теперь лежал на диване. Дэн подхватил его на руки с той же осторожностью, с какой впервые держал в родильном отделении, но мальчик не издал ни звука. Даже не двинулся. Весь этот футбол плюс тарелка острых жирных чипсов сделали свое дело.

Городской телефон зазвонил, когда Дэн уже наполовину поднялся по лестнице, и он замер, боясь, что шум потревожит Гейба, но мальчик продолжал спать и ничего не слышал. После нескольких гудков включился автоответчик, и сердитая женщина начала диктовать сообщение:

«Это миссис Хендерсон с Таунли-стрит. Я оставила столько сообщений на вашем мобильном телефоне, что сдалась и нашла этот номер в справочнике. И вы все равно не отвечаете! Если у вас есть хоть капля порядочности, пожалуйста, перезвоните мне. Бойлер снова не работает, и мы уже две недели без горячей воды. Он не включается!»

Вероятно, эта женщина была одним из арендаторов Патрика, и она могла не знать, что он умер, понял Дэн. Сразу после школы занявшись строительным делом, Патрик быстро пошел в гору, скупая заброшенную недвижимость, ремонтируя ее и перепродавая с огромной прибылью. Совсем недавно он приобрел шесть или семь квартир в Западном Лондоне и теперь сдавал их в аренду. Он собирался заработать немного легких денег на основной строительной работе, но часто ворчал по поводу того, что его жильцы не в состоянии поменять лампочку, не позвонив и не пожаловавшись ему. Но все-таки сломанный бойлер – совсем другое дело. Дэн понял, что рабочий мобильный Патрика, без сомнения, так же мертв, как и он сам, и почти наверняка переполнен подобными сообщениями.

Бедная миссис Хендерсон все говорила в автоответчик, а Дэн продолжал подниматься по лестнице. Спящий на руках племянник показался ему на удивление тяжелым. Маленькая спальня Гейба была рядом со спальней Би. Стены в ней были увешаны плакатами футбольного клуба «Фулхэм» и различными супергероями в боевых позах. Когда Дэн осторожно опустил мальчика на кровать, он заметил, что кто-то – Зои? сам Гейб? – повесил на стену рядом с подушкой фотографию Патрика и Гейба на матче «Фулхэма». Они держали над головами растянутый черно-белый шарф, и оба, судя по всему, вопили от восторга. Дэн заметил, что у них были одинаковые губы, широкие и полные, одинаково склонные к крикам и улыбкам. У него защемило сердце, когда он заметил размытый отпечаток пальца на фотографии и представил,

как Гейб каждый вечер перед сном протягивает руку, чтобы коснуться лица своего отца. Он был слишком взрослым, чтобы придумать свою песню для папочки, но он тоже нуждался в нем, это ясно. Как и все они.

Осторожно вытащив из-под Гейба одеяло, Дэн стянул с племянника футбольные носки и решил не снимать на ночь остальную форму. Была пятница, так что, по крайней мере, на следующий день в школе не было занятий. Он натянул Гейбу одеяло до подбородка, задернул шторы и вышел из комнаты.

«Двоих уложил, один остался», – подумал он, спускаясь вниз, где разгневанная квартирантка продолжала выражать свое недовольство автоответчику. «Я сообщу в Бюро гражданских консультаций, что вы худший домовладелец, который у меня когда-либо был! Это абсолютный позор, вы совершенно ненадежны, и...»

Жалобы на ненадежный бойлер – это одно, но то, что дом был полон оскорблений в адрес его брата, было уже слишком. Торопливо спустившись по последним нескольким ступенькам, Дэн схватил трубку.

– Он умер, – холодно сказал он. – Умер. И мне жаль, что у вас проблемы с бойлером, или что там у вас случилось, но ваш домовладелец – мой брат – умер в прошлом месяце, и именно поэтому он не отвечает на ваши звонки. Ясно?

Дэн бросил трубку и уселся на нижнюю ступеньку, инстинктивно поднял руки и схватился за голову.

Он сделал несколько глубоких вдохов, потрясенный собственным всплеском гнева. Дэн всегда был более спокойным из двух братьев, умел остановиться и тщательно все обдумать, не давал воли своим порывам. Однако сегодня вечером он чувствовал себя необузданным, утратившим самообладание, его эмоции обострились после часов, проведенных с племянницей и племянниками.

Он потерял лицо, его гнев утих так же быстро, как и вспыхнул. Откуда этой женщине было знать, что произошло? Со стоном сожаления он потянулся вперед, снова взял телефон и нажал на повторный набор последнего номера.

– Простите, – сказал он, когда она ответила. – Я брат Патрика, Дэн, я не должен был так с вами разговаривать. Мы до сих пор немного тонем без него. – Фраза показалась ему странной. «Мы сломлены, – должен был сказать он. – Мы тонем в этой потере». Он съежился от того, насколько неуместными оказались эти слова. – Это случилось очень внезапно и неожиданно, – закончил он, надеясь, что она не станет задавать вопросов.

Женщине – миссис Хендерсон, она сказала? – потребовалось некоторое время, чтобы ответить.

– Я понимаю, – сказала она. – И мне тоже жаль, что я сказала все это и расстроила вас. Не говоря уже о том, что мне жаль, что... что вы потеряли его. – Она заколебалась. – Я просто... – Ее голос почти сразу затих, как будто она запретила себе снова жаловаться. «Не сейчас. Не забывай, что человек умер».

– Я понимаю, – сказал он, прерывая молчание. – Вы сыты по горло, вам никто не перезвонил и не помог. Вы правы. – А затем, почувствовав, что теперь действительно не сможет игнорировать проблему, добавил: – Я мог бы взглянуть на ваш бойлер. Не сегодня, конечно, но, может быть, завтра?

– О, а вы можете? – Ее облегчение было почти осязаемым. – Я была бы вам очень признательна. Видите ли, у меня маленькие дети, и нам приходится ходить к соседям или в гости к друзьям, чтобы принять душ, и... ну, это длится уже две недели, у меня замечательные друзья, но мы не можем продолжать в том же духе. Меня это действительно расстраивает.

– Конечно, это естественно. И мне очень жаль, – повторил он. – Позвольте мне записать ваши данные. В какое время завтра вам будет удобнее?

Он потянулся в поисках листка бумаги, чтобы записать, и заметил еще одну стопку нераспечатанной почты на столе в прихожей. Перевернул письма и увидел, что большинство из них адресованы Патрику.

– Диктуйте, – сказал он миссис Хендерсон, записывая ее данные на одном из конвертов и размышляя о том, как тяжело терять кого-то, когда остальной мир еще не успел об этом узнать. Придется повторять это всем этим людям снова и снова, пока они не перестанут звонить, писать и о чем-то просить. Все списки рассылки и базы данных, в которых оказался человек, – каждая запись должна быть удалена, одна за другой. И одному-то достаточно тяжело справиться с потрясением, а Зои была вынуждена бесконечно повторять новости от человека к человеку, а затем чувствовала себя обязанной реагировать на их потрясение, соболезнования и вопросы... Каждый раз ей приходилось словно бы сдирать верхний слой кожи, рана не успевала даже начать заживать.

Но он понял, что мог бы хоть отчасти избавить ее от этого. Мог разобраться с этой стопкой почты, если бы она захотела. Проверить телефонные звонки на рабочем мобильном Патрика и автоответчик на домашнем телефоне, убедиться, что мрачная новость дошла до арендаторов, банка, поставщиков. Он мог бы взять на себя эту ответственность.

«Ух ты, мой герой, – саркастически произнесла Зои у него в голове. – Это ведь самое меньшее, что ты можешь сделать, и ты знаешь это, не так ли?»

Впрочем, это было хоть какое-то начало. Хотя бы кое-что.

Было уже больше восьми часов вечера, и после того, как Дэн договорился с миссис Хендерсон – «зовите меня Рут», – ему хотелось только открыть бутылку пива и рухнуть на диван, но Зои до сих пор не было, и ему нужно было сохранить ясную голову. Внеси свою лепту. Поэтому он поднялся в комнату Итана и осторожно постучал в приоткрытую дверь.

– Привет, – осматриваясь, сказал он.

Итан рубился в какую-то компьютерную игру, в наушниках, костлявые плечи напряжены, пристальный взгляд прикован к ноутбуку. Убивал монстров, судя по летящим искрам и взрывам на экране. Дэн придвинулся немного ближе, в поле зрения племянника, пока Итан, в конце концов, не заметил его и не обернулся.

– О, привет, – сказал он, переводя взгляд с Дэна обратно на экран как раз в тот момент, когда гангстер в маске выстрелил его персонажу в голову.

– Уф, – сказал Дэн, когда кровь забрызгала экран. – Извини. Э-э... Просто хотел взглянуть, все ли с тобой в порядке. – Он присел на край кровати, зажав руки между колен. – Может, тебе нужна помощь с домашним заданием или что-нибудь в этом роде.

Но, кажется, в ближайшее время Итану не нужно было делать домашнюю работу. Дэн окинул взглядом комнату, метровую руку из папье-маше, которая из дальнего угла комнаты показывала ему средний палец, большие гравюры Эшера и металлический коллаж с изображением вида Лондона на стене, бюст греческого бога в натуральную величину в фиолетовой праздничной шляпе у кровати.

– У тебя здесь есть кое-что классное, – прокомментировал он.

– Спасибо, – отозвался Итан. – У меня нет домашней работы. – Он поморщился. – Ну, кое-что надо повторить к экзаменам, но... – Парень пожал плечами, как бы говоря: «Кому какое дело до экзаменов?»

– Я могу помочь с экзаменами, если хочешь. – Дэн догадывался, что экзамены и школьные задания больше не кажутся такими важными после того, как потерял отца. – Мы могли бы заняться этим вместе?

Он понял, что отчаянно хочет помочь. Отчаянно пытается наверстать упущенное в тот вечер, когда умер Патрик, когда он ничего не замечал, ушел, весь такой самодовольный и холодный. Сколько часов помощи на экзамене, сколько песен для папы, сколько раз отнести

спящего ребенка в постель? «Если бы он мог заполнить несколько пробелов, которые оставил Патрик, это было бы что-то», – подумал он. Ведь верно?

Однако Итана, казалось, не особенно впечатлило его предложение помощи.

– Не-а, – сказал он, закрывая игру. – Все в порядке, спасибо.

– Ну, тогда в другой раз, – сказал Дэн. – Эй, кстати, что это такое было, когда вы с Гейбом ссорились по дороге в магазин? Я не в курсе!

Лицо Итана стало похожим на маску.

– Он придурок, – коротко сказал он.

Дэн попробовал еще раз.

– Это как-то связано с тем клубом скульптуры, в который ты ходил? О котором твоя мама не захотела говорить? – догадался он. «Проблемы с гневом», – насмеялся Гейб, но раньше Итан не был злым ребенком.

– Да, – устало вздохнул Итан. – Там занятия по средам, во второй половине дня, в то же время, что и футбольные тренировки Гейба, так что мама не может заезжать за мной. Она не хочет, чтобы я возвращался из Уондсворта один, потому что если я поеду в автобусе или на метро, меня ограбят, зарежут или я заблужусь. – Он закатил глаза, его взгляд стал по-настоящему сердитым. – Типа, мне только четырнадцать! Все мои одноклассники уже сами ездят по всему Лондону. Но мама так боится, вдруг мы сделаем что-то не настолько безопасное, что аж скулы сводит от скуки. И, уж конечно, Гейб не может отказаться от своего драгоценного футбола.

Это была самая длинная речь, которую он произнес с момента приезда дяди, и Дэн едва справился с вскипевшим негодованием. Он кивнул, не желая принимать чью-либо сторону или идти против решения Зои. Что касается Гейба и футбола, он вспомнил, как Патрик однажды пошутил, что Гейб похож на собаку – ему нужно бегать несколько раз в день, каждый день, иначе он станет гиперактивным и неуправляемым. Зои приняла решение, и он понимал, почему, но все равно это казалось несправедливым по отношению к Итану.

– Обратный путь на велосипеде не займет много времени, – заметил он, размышляя вслух. – До Уондсворта ведь минут тридцать? – Но по выражению лица Итана он понял, что ехать на велосипеде Зои тоже не разрешит. Слишком опасно. Слишком большой риск. Он ее понимал. Она потеряла мужа так внезапно, что стала параноиком, боясь, что что-то плохое может случиться и с детьми. – Как ты раньше добирался домой? – поинтересовался он. – Тебя забирал отец?

Итан кивнул, глядя куда-то в пространство. Без сомнения, вспоминал веселые моменты в фургоне Патрика, когда они были вдвоем, смеялись, гремела музыка. Патрик комментирует проходящих мимо привлекательных женщин, а затем подмигивает сыну. «Только маме не рассказывай, что я это говорил!»

– Я мог бы забирать тебя, – предложил Дэн. – Говоришь, по средам после обеда?

Итан просиял.

– Правда? Ты серьезно?

– Конечно. Абсолютно.

Дэн был финансовым консультантом, и его дни обычно уходили на поиск новых решений технических проблем клиентов, на остальное у него оставалось не так много времени. Но, учитывая, что его творческий отпуск продлится еще два полных месяца, он мог помочь, по крайней мере, сейчас. Внезапно он понял, что, честно говоря, будет рад покинуть квартиру и быть кому-нибудь полезным.

– О боже. – Впервые за день на лице племянника промелькнуло выражение искреннего счастья. – Я так... – Его подбородок задрожал. Итан всегда был таким тихим, замкнутым ребенком. Неужели его не заметили в результате семейной трагедии? – Это было бы потрясающе. Спасибо. Ты уверен?

– Я совершенно уверен. – Дэн хотел было взъерошить пышные волосы племянника, но в последний момент сдержался. Итан не производил впечатления обидчивого мальчика, но они вступили на странную почву в их отношениях. – Знаешь, я тут вспоминал, как родился Гейб, – вдруг сказал он. – Возможно, ты и не помнишь, но в тот день я присматривал за тобой, мы часами рисовали вместе на том огромном, длинном рулоне обоев. Все началось с сети дорог для твоей машинки, а потом мы дорисовывали разные странные и удивительные здания и животных. Джунгли, горы, города...

У него загорелись глаза при воспоминаниях о милом, серьезном маленьком мальчике, которым был тогда Итан, о том, как он внимательно склонялся над бумагой, когда они трудились над ней с фломастерами. Они создали свой собственный мир, пусть и воображаемый. Какая ирония: сам же Дэн, пусть и не нарочно, разрушил реальный мир Итана годы спустя.

Итан сосредоточенно нахмурился.

– Кажется, помню, – ответил он. – Мы раскатали рулон, и он занял всю комнату.

– Точно! Так оно и было! – Они обменялись улыбками, робкими и хрупкими, но все равно это было очень важно. – Что ж, я пойду, – сказал Дэн. – А когда твоя мама вернется, расскажу ей о нашем плане на среду, хорошо?

– Да. Спасибо.

– Не стоит. О, и не забудь почистить зубы перед сном, ладно? – добавил он, сообразив, что Гейб лег спать с нечищеными зубами. «Ой».

Итан приподнял бровь.

– Я не ребенок, – заметил он.

– Нет. Конечно, нет. Ладно, я пошел.

Дэн спустился вниз, чувствуя, что уже заслужил пиво, и надеясь, что у Зои есть немного пива в холодильнике. Увидел свой велосипед в холле и вспомнил, что ему еще нужно ехать домой на велосипеде. Во всяком случае, если Зои наконец все-таки появится. Он стоял, смотрел на входную дверь и очень желал услышать, как повернется ключ в замке, желал, чтобы она наконец вернулась. Она высказала все, что хотела высказать, на несколько часов сбежала из дома, от детей, заставила Дэна попотеть.

Но ведь она собиралась вернуться? Например... сегодня вечером? Она же не собиралась отсутствовать весь уик-энд или что-то в этом роде?

На улице стемнело, сквозь черноту светили фары машин, ехавших по улице в поисках парковки. Прогноз погоды, который он слышал ранее, обещал этой ночью сильный мороз, и тротуары уже блестели от первого льда. Он задернул шторы в гостиной, рой новых тревожных мыслей ворвался в его голову. Стоя на кухне с напряженным и виноватым лицом, Зои, кажется, была на грани срыва. Что, если ее терпение подошло к концу и она сделала какую-нибудь глупость? Всем доводилось слышать о людях, которые просто не могли жить дальше без своих партнеров, которые были настолько сокрушены горем, гневом и потерей, что больше не могли мыслить здраво.

Он прошел на кухню, кое-как опустил полосатую штору, проверил, заперта ли задняя дверь. Зои вскинула руки в знак поражения и ушла без малейших колебаний, не слушая воплей Би. Взяла ли она с собой хоть какие-нибудь деньги? Он призадумался. Где она?

Убрав остатки рыбы и чипсов, он очистил кастрюли от первого неудачного ужина и включил посудомоечную машину. Поймал себя на том, что вспоминает, как расстался с Ребеккой и временно снял квартиру на Шепердс-Буш-роуд; как какое-то время он был типичным холостяком-неряхой, погрязшим в страданиях и грязи, позволяя беспорядку накапливаться вокруг него и не заботясь об этом. По иронии судьбы, именно Патрик пришел тогда и сказал: «Господи Иисусе, Дэн», и «Это дерьмовая дыра», и «Боже, давай, возьми себя в руки! У тебя что, нервное расстройство или что-то в этом роде?». Это вывело его из прострации.

Он вытирал стол и задавался вопросом, должен ли что-нибудь сделать со всем беспорядком, скопившимся в комнате, его ли дело – разбираться с этим, или Зои рассердится и воспримет его вмешательство как критику. Он выбросил из вазы сморщенные коричневые нарциссы, которые умерли от жажды, переложил из вазы с фруктами в мусорное ведро пару гниющих мандаринов, на которых появились интересные зеленые разводы, и стер большую часть пыли с подоконников каким-то кухонным полотенцем. Должен ли он продолжать? Будь он лучшим деверем, он приходил бы в течение последних нескольких недель, чтобы помочь с покупками и уходом за детьми среди бури семейного горя, он знал бы, что делать. Он заслужил бы право взять на себя ответственность и привести в порядок ее кухню. Но не сегодня. Пока еще нет.

Он прошел в гостиную и сел. В доме было тихо, как в морге. Он включил телевизор на небольшую громкость, чтобы никого не разбудить, попереключал каналы, но там не было ничего интересного. Повертел в руках телефон, раздумывая, не позвонить ли Зои, но побоялся, что она снова накричит на него. Вместо этого он отправил сообщение: «Надеюсь, с тобой все в порядке. С детьми все хорошо. Я останусь здесь до твоего возвращения. Д.».

Ответа не последовало. Он откинулся на мягкие подушки, внезапно ощутив усталость. Сегодня он многое сделал; на самом деле, гораздо больше, чем за все дни с того момента, как умер Патрик, и ему нужно было многое обдумать. Он закрыл глаза. Все, что он мог сейчас сделать – ждать возвращения Зои.

Через две улицы от своего дома Зои сидела на диване у лучшей подруги Клэр и потягивала третий по счету бокал вина.

– Я никогда не вернусь домой, – объявила она, когда в дверь позвонили, возвещая о доставке индийской еды навынос. – Хорошо, Клэр? Я просто останусь здесь, а ты будешь присматривать за мной. Ты ведь не возражаешь, правда?

Клэр встала, чтобы открыть дверь.

– Все будет хорошо, Зо, – сказала она, выходя из комнаты.

Зои обмякла, как мешок с влажным песком, во рту стоял привкус вина, руки и ноги ослабли от выпитого алкоголя.

– Все будет хорошо, – тихим шепотом повторила она себе, но, даже произнося эти слова, знала, что они не могут быть правдой. Как могло что-то снова стать хорошо без Патрика?

Глава третья

– Ну, посмотрим, – произнес Дэн следующим утром, вглядываясь в управление бойлером Рут Хендерсон и надеясь, что со стороны кажется, что он хоть немного в этом разбирается.

Впрочем, не стоило надеяться произвести впечатление после того короткого сна, который достался ему прошлой ночью: он задремал на диване Зои где-то около полуночи и проснулся через несколько часов, когда она ворвалась в дом, пошатываясь и сильно пахнущая вином. После этого он, кажется, целую вечность лежал без сна, ткань дивана колола ему лицо, а мысли безостановочно крутились, слишком напряженные, чтобы остановиться. Он думал о том, что после смерти Патрика все идет не так. Он должен был придумать, как все исправить.

Первый шаг на пути искупления начинался прямо здесь, на маленькой холодной кухне семьи Хендерсон, на грязной улочке с типовой застройкой позади больницы Чаринг-Кросс. Дэн непонимающе уставился на неисправный бойлер, пытаясь вспомнить видео на Ютубе, которые он смотрел двадцать минут назад и в которых подробно описывалось, как перезапустить запальник. Он задумался, не случится ли взрыв, если он не справится с этим важным делом. Он догадывался, что, если он достанет телефон и позвонит, миссис Хендерсон точно не проникнется к нему симпатией, но лучше уж так, чем разваливающийся на куски дом.

Вернувшаяся Зои наутро была тихой. Мешки под глазами, бледное помятое лицо, розово-малиновый махровый халат, перетянутый поясом в талии.

– Прости за вчерашнее, – пробормотала она, прежде чем пройти на кухню, чтобы приготовить кофе.

Дэн не спал с половины седьмого, с того момента, как неожиданно яркое мартовское солнце пробилось сквозь тонкие занавески. Он не мог понять, хочет ли она поговорить или хочет, чтобы он ушел без лишних разговоров. Но он и так отсутствовал последние несколько недель, поэтому чувствовал, что должен хотя бы задержаться, чтобы выпить кофе. В последнее время он и так натворил достаточно.

– Все в порядке, – сказал он, подходя к окну и поднимая жалюзи. Сад казался растрепанным после зимнего побоища, лужайка после прошедших дождей покрылась мхом. – Хорошо провела время?

Она подозрительно покосилась на него, как бы спрашивая, не издевается ли он.

– Да, – помолчав, сказала она. – Была у подруги, Клэр. Привела мир в порядок с помощью примерно семнадцати бутылок вина. Сейчас чувствую себя неважно, но тогда это казалось хорошей идеей. – Она поставила перед ним на стол кружку с кофе, от которой завитками поднимался пар. – Спасибо, что удержал оборону, – добавила она. – И извини, если я... сказала что-то, чего не должна была говорить, когда ты пришел.

– Ты все правильно сказала, – ответил он, решив, что, вероятно, будет галантно не упоминать о том, какая она вернулась. – Зо... Я больше не брошу тебя в беде, – продолжил он. – Я серьезно. Мы с тобой ведь по-прежнему семья, правда?

Эти слова всплыли сейчас в его памяти, когда он осторожно снял кожух с бойлера Рут Хендерсон. Когда наступают скверные времена, семья держится вместе и встает плечом к плечу. Лицо Зои разгладилось от облегчения, когда он предложил взять на себя заботу о домовладельцах Патрика на то время, пока находится в творческом отпуске, начиная с сегодняшнего дня. Когда он сказал, что без проблем может каждую среду отвозить Итана в клуб скульптуры, у нее задрожали губы. И она несколько раз с готовностью кивнула, когда он предложил, что зайдет завтра, чтобы она могла дать ему список того, чем еще он может быть полезным.

– Спасибо, – тихо сказала она, и на мгновение он почувствовал себя... не то чтобы признанным, но как будто в кои-то веки сделал что-то хорошее. Стоящее. Тогда он поклялся, что

сделает все, о чем она попросит. Чего бы это ни стоило, чтобы доказать, что он сожалеет о том, что произошло.

А пока ему действительно нужно было снова заставить работать этот бойлер. Хорошо. Газовый клапан. Должно быть, это он. На ручке написано «Вкл.», «Выкл.», «Пилот».

– О, – сказала миссис Хендерсон у него за спиной. – Если вы пытаетесь включить запальник, мы уже делали это тысячу раз. Мой сосед нашел видео на Ютубе, и мы следовали инструкциям. Но ничего не получилось.

– А, – сказал Дэн, чувствуя себя полным идиотом. – В таком случае...

– Проблема явно не в подаче газа, так как плита работает нормально. И таймер тоже исправен. Мы проверяли.

Она холодно улыбнулась, когда он вытащил голову из шкафа, но ее взгляд тут же метнулся вверх, когда до них донесся прерывистый крик ребенка. «Я сделала все, что могла, пока ждала, когда явится ваш брат. – Она поморщилась. – Прошу прощения. Я не хотела...»

– Все в порядке. Я понимаю. – Он на мгновение опустил взгляд, а затем решил, что должен признаться: – Послушайте, простите, но я не могу это исправить. Я работаю в сфере финансов, я не инженер по бойлерам, так что ваши предположения здесь так же верны, как и мои. Я должен был понять, что вы уже испробовали все, что могли. Так что я прямо сейчас, – быстро продолжил он, когда ее лицо вытянулось, – позвоню инженеру по аварийному отоплению и попрошу кого-нибудь прийти прямо сегодня. Я подожду их, если вы заняты.

Детский плач наверху становился все громче, а затем маленькая девочка с растрепанными рыжими кудряшками и вязанным синим кроликом в руке ворвалась на кухню, задыхаясь от чувства собственной важности.

– Мама! Фиби проснулась!

– Я знаю, дорогая, приду через минуту, – сказала миссис Хендерсон. – Будь хорошей помощницей, просто пойдти туда и очень, очень нежно погладь ее по животу. Поздоровайся добрым голосом.

На какую-то глупую долю секунды Дэн подумал, что она просит об этом его, но затем маленькая девочка резко обернулась, мелькнули лапы синего кролика, и они услышали, как она поднимается наверх.

– Спасибо, – сказала миссис Хендерсон Дэну. – Это было бы здорово. Я имею в виду вытащить кого-нибудь сегодня. И если бы вы могли их подождать, это было бы еще лучше. Муж поздно вернется с конференции, а в доме нет ни крошки еды, так что мне действительно нужно... – Она замолчала, когда плач наверху взмыл на новую высоту. – Я лучше взгляну, что там происходит, – сказала она, выбегая из комнаты.

Оказалось, что вызвать инженера по аварийному отоплению в субботу – это очень, очень дорого. Также выяснилось, что после недавнего похолодания подобным образом сломалось много бойлеров, и Дэн может прождать не один час, пока придет мастер.

– Хорошо, – вздохнул он, понимая, что у него нет выбора.

На самом деле, чем более дорогостоящим и неудобным будет этот опыт, тем в некотором смысле лучше, подумал он, принимая от миссис Хендерсон – Рут – кружку заваренного чая и заверяя ее, что он не против подождать инженера, пока она сходит в супермаркет, это не проблема. Любая цена – деньги или время, – которую он мог заплатить, была вроде крошечной монеты раскаяния, уменьшающей гигантский долг вины, который ему, несомненно, суждено было нести вечно.

«Отныне это будет балансом его совести», – подумал он, когда Рут ушла с детьми и в доме воцарилась тишина. Работая в сфере финансов, он хорошо разбирался в счетах компании и всегда находил удовлетворение в подсчете доходов и расходов; все эти смятые квитанции и счета-фактуры превращались в чистые, четкие, окончательные цифры. В его случае из-за того, что случилось с Патриком, он, вероятно, будет в минусе до конца своей жизни, но может, по

крайней мере, попытаться совершить огромное количество добрых дел в противовес, чтобы показать вселенной, что действительно сожалеет.

В этот момент раздался стук в дверь, он открыл ее и увидел мужчину, с выжидательным видом держащего ящик с инструментами.

– Я по поводу бойлера.

Проводив инженера в прохладную кухню, Дэн ощутил первые проблески оптимизма, которого ему уже долгое время не доводилось испытывать. Чего бы это ни стоило, сколько бы это ни стоило, он собирался встать на место брата и взять бразды правления в свои руки. Он все исправит. Все.

Глава четвертая

«Патрик Кристофер Шеппард был лучшим из мужчин, – на ходу пробормотала себе под нос Зои. – Замечательный отец, муж и сын, которого все любили и уважали...»

У нее стоял ком в горле, когда она вспоминала его красивое лицо. Смех, который она никогда больше не услышит, губы, которые больше не поцелует. Она все время жалела о том, что не смогла произнести речь на похоронах Патрика.

Другие опередили ее. Ее тесть, Дерек, произнес высокопарную речь о сыне, в которой не было ни капли тепла Патрика и его любви к жизни – хотя, как она предположила, в этом был весь Дерек: человек, который не распознает человеческое тепло, пока его дом не вспыхнет. Дэн также говорил во время службы, заикался о том, каким замечательным братом был Патрик, рассказал пару историй, но был бледен и встревожен, говорил как-то неубедительно. Зои сидела в новом черном костюме, опустив голову, и злилась на них обоих. Хотела ли она услышать мнение Дерека, который, по словам Патрика, был таким хладнокровным отцом, что почти напоминал рептилию? Нет, не хотела. Хотела ли она услышать забавные истории от Дэна, которого все еще винила в смерти Патрика? Нет, не хотела.

И вот служба подошла к концу, а никто так и не встал и не отдал от всего сердца, с любовью, искреннюю дань уважения, которую заслуживал Патрик. Никто не смог передать его юмор, его харизму, его энергию. В то время Зои едва ли могла, не срываясь, прохрипеть хоть фразу, и поэтому она тоже подвела его своим молчанием. Тем не менее до конца лета она планировала отдать мужу самую красивую дань уважения и провозгласить речь, развеивая его прах. Это было меньшее, что она могла сделать.

«Едва увидев его, я поняла, что он особенный», – практиковалась она вслух.

Ей было двадцать пять, когда они встретились в отвратительном пабе, где Патрик поддразнивал ее из-за пристрастия к караоке, купил ей выпивку, а потом почти семнадцать лет продолжал очаровывать и веселить ее. В то время она с опаской относилась к мужчинам – пару раз ее сердце разбивали предыдущие паршивые парни, и, конечно, ее ранил собственный распутный отец, бросивший семью. Но Патрик был другим. Он просто был хорошим. Она инстинктивно доверилась ему, и чутье ее не подвело.

Был понедельник, начало новой недели. Этот день всегда казался особенно тяжелым: еще семь тоскливых и безрадостных дней без мужа, и абсолютно нечего ждать. «Продолжай, Зои. Шаг за шагом», – подбадривала ее подруга Клэр в пятницу вечером. «Держись, любовь моя», – убеждала мама по телефону накануне, но иногда вставать по утрам становилось чертовски трудно. Так сложно заставить детей надеть школьную форму и выставить за дверь, когда хочется весь день проваляться в постели, укрывшись с головой одеялом.

Зои была учительницей начальной школы, хотя после рождения Би перешла на работу репетитором, обнаружив, что изо дня в день жонглировать тремя собственными детьми и тридцатью учениками в классе – это уже чересчур. После смерти Патрика она вообще держалась подальше от школы. Недавно пришла его страховка – щедрый пакет, – которая, слава богу, облегчила финансовую ситуацию, но также лишила ее стимула снова пойти на работу. «Как ты относишься к тому, чтобы вернуться к преподаванию? – спросила Клэр прошлым вечером, когда они выпили вина и немного расслабились. – Или еще рановато спрашивать? Это может стать отвлекающим маневром. Может, это... поможет?»

Зои понимала, что вопрос был задан из лучших побуждений и что Клэр просто пытается вернуть ее к нормальной жизни. Проблема была в том, что она не могла представить, что когда-нибудь снова почувствует желание встать перед классом и говорить о фонетике, таблице умножения или Викторианской эпохе. Зои, которая каждое утро надевала красивую блузку и юбку, целовала мужа и детей на прощание перед тем, как отправиться на работу, Зои, которая могла

вдохновить и просветить целый класс девятилетних детей. . . эта веселая, беззаботная женщина исчезла. От нее остались обломки обозленной, рыдающей женщины, которая кричала на своих детей, забывала простейшие вещи и не спала по ночам из-за беспокойства о том, что с ними со всеми будет. А когда она наконец засыпала, ей снился Патрик. Ей часто снилось, что она ныряет в реку, пытаясь спасти его. Иногда она замечала его тело в воде и изо всех сил пыталась вытащить его на поверхность из темных глубин – бесполезно, беспомощно, потому что в какой-то момент кошмара она понимала, что он уже мертв, а она опоздала. Иногда она мельком видела, как он отдаляется от нее, скользя сквозь тростники и тени. «Подожди! – кричала она, пытаясь дотянуться до него и пуская изо рта серебристые пузыри. – Остановись!» Но он не останавливался, и она никак не могла догнать его, как бы быстро ни плыла в этих снах, как бы отчаянно ни выкрикивала его имя.

Она просыпалась, тяжело дыша и хватая ртом воздух, как будто и впрямь тонула в мутной Темзе. И через несколько секунд понимала, что наступил еще один кошмарный день, и ужас реальной жизни снова вставал перед ней. «Что случилось с тобой той ночью? – хотелось ей спросить его. – Что на самом деле произошло?»

«Может быть, – ответила она на вопрос Клэр. – Но не сейчас. Еще слишком рано».

Слишком рано, как будто это была всего лишь временная потеря. Как будто она не всегда будет чувствовать себя так. Это казалось маловероятным сейчас, когда она чувствовала себя наполовину человеком, развалиной, оставшейся в живых. Дома она цеплялась за свое здравомыслие, но вокруг царил все нарастающий хаос. Дом с каждым днем становился все грязнее, потому что она совсем не заботилась о том, чтобы пылесосить и прибирать. Беспорядок достиг такого размаха, что Лиз, мать Патрика, всякий раз, приходя, начинала молча разбирать и гладить ее белье. Время от времени брызгала средством для мытья сантехники в туалете. Оставляла в холодильнике запеканку или крамбл⁶, чтобы Зои потом разогрела. Однако эти добрые поступки только заставляли Зою чувствовать стыд, как будто свекровь осуждала ее за неряшливость; стойкий запах моющего средства был упреком за то, что она подводит семью.

Если бы ее спросили месяц назад, Зою сказала бы, что именно она делала все по дому, но стало очевидным, что именно Патрик заботился о множестве домашних дел: например, подстригал живую изгородь у входа. Чистил компостный контейнер. Разбирался со счетами, мыл машины и давал на чай. Одна из скобок на карнизе в комнате Гейба оторвалась, и Зою до сих пор не удосужилась ее починить. Эта работа заняла бы у ее мужа пять минут, но она нервничала из-за дрели (какой размер сверла ей нужен? какого цвета взять чоп?). Нужно было продлить автомобильную страховку, и обычно Патрик искал для нее выгодный вариант, но на этот раз ей придется делать это самой. Что касается его машины, она предполагала, что ей придется ее продать, но она даже не знала, как это сделать. Конечно, она могла бы попросить отчима или брата, но даже это казалось еще одной задачей, которую придется добавить в список дел. Все это вместе просто ошеломляло. Казалось невозможным. Почему-то гораздо проще ничего не делать, позволить себе все глубже погружаться в этот бедлам, пока он окончательно не поглотит ее.

В последнее время она стала часами гулять, пока дети были в школе, бродила по паркам и улицам, как скорбный призрак, пытаясь таким образом скомпенсировать количество съеденных чипсов (которое опасно выходило из-под контроля), а также сбежать из грязного дома. Несколько дней она ходила по Ботаническому саду, смутно замечая, как нарциссы кивают своими жемчужными головками, и стараясь не вспоминать о том, сколько раз за эти годы Патрик дарил ей эти цветы. В течение нескольких недель после его смерти она хранила последний букет, который он ей купил, не в силах избавиться от цветов. Дэн, должно быть, выбросил их в

⁶ Крамбл – традиционный британский десерт, похожий на наш яблочный пирог из перетертого в крошку теста. Отличие лишь в том, что крамбл готовят без песочного основания, с большим количеством начинки из яблок.

мусорное ведро, поняла она на днях, и с трудом удержалась от того, чтобы не рыться в мусорном ведре в попытке спасти хоть несколько пожухших коричневых лепестков.

Сегодня она дошла пешком до Чизвика и даже оставила попытки произнести поминальную речь, когда, словно призрак, плыла мимо магазинов на Хай-роуд, пытаясь вспомнить, как ведут себя нормальные люди. «Другие женщины знают, что делать», – тупо подумала она, плотнее затягивая шарф на шее, глядя на то, как они сидят в кафе или показывают друг другу одежду в бутиках. Другие женщины вместе бегали трусцой по паркам и скверам, синхронно топя сверкающими кроссовками; везли в колясках вопящих малышек и приглашали друг друга выпить кофе, поболтать-поболтать-поболтать. Зои больше не могла с такой беспечностью вращаться в этих кругах; она стала чужаком, нежеланным гостем. Оказалось, что, если ты потеряла мужа и любовь всей своей жизни, другие люди испытывают неловкость рядом с тобой – боятся быть слишком счастливыми или бойкими в твоём присутствии; они чувствуют, что должны говорить приглушённым тоном и касаться твоей руки, склонив головы набок. «Как ты?» Они всегда спрашивали «Как ты?», широко раскрыв глаза от беспокойства. Сказать по правде, это сводило её с ума.

Самым худшим – из многих худших вещей – было то, что теперь на ней всегда будет эта отметина. Все клеймили её как бедную Зою, бедную овдовевшую Зою. «Так грустно, не правда ли?» «Вы слышали, о боже, не могу поверить». «Вы думаете, это было самоубийство?» «Я слышал, что у них были проблемы с деньгами». «Ты шутишь, кто бы мог подумать?» О, она слышала все эти перешептывания, замечала толчки и взгляды, как бы сочувственно люди ни смотрели ей в лицо.

«Не обращай на них внимания, – напомнила она себе. – Не хватало ещё впасть в паранойю». Она была на улице и на свежем воздухе – ну, во всяком случае, достаточно свежем для Тернем-Грин-роуд, – и ей удалось продержаться без слез до одиннадцати утра. Также – нет худа без добра! – вчера снова появился Дэн, и хотя она все ещё не простила его (и, вероятно, никогда не простит), он, по крайней мере, предлагал поддержку, которую она неохотно приняла. Он собрал гору документов и почты, которые накопились со смерти Патрика, и забрал, пообещав со всем разобраться. Она предположила, что это – уже прогресс. Крошечный шаг вперед сквозь страдания.

Однако как раз в тот момент, когда она осмелилась почувствовать себя уверенно, мимо неё прошел мужчина с тем же лосьоном после бритья, который всегда использовал Патрик, и она мгновенно уловила знакомый запах. От пряно-древесного аромата кровь отхлынула от лица; божественный запах, который напомнил ей все те вечера: ужины в ресторане и вечеринки, ночи в пабе, его объятия. Она каждую ночь брызгала одеколоном на его подушку, чтобы обнять её, и флакон уже почти опустел. Наверное, это будет смешно – если она купит новый? Она так по нему скучала. Без него она чувствовала себя такой потерянной. Такой потерянной!

У неё вырвался всхлип, потом ещё. Накатило опустошение, как будто оно все это время пряталось внутри, ожидая, когда она наконец расколется. Она закрыла глаза руками и прислонилась к витрине ближайшего магазина. Ноги дрожали. Что она вообще здесь делает? Столько усилий, чтобы спрятаться среди аппетитных мамочек Чизвика, – и вот она выставила себя скорбящей развалиной, женщиной, которая разваливается на части от одного дуновения «Живанши», слезы текут по лицу у всех на виду. Она не знала, что делать. Спрятаться было негде, а она никак не могла взять себя в руки, не могла перестать плакать, она...

– Вы в порядке? Нет, вижу, что не в порядке. Зайдите в магазин – зайдите на минутку и отдышитесь.

С ней разговаривала женщина, её лицо было совсем близко, хотя глаза Зою были переполнены слезами, чтобы что-то разглядеть. Чья-то рука скользнула ей за спину, затем её осторожно провели в дверь магазина.

– Минутку, позвольте мне... – сказала женщина, и Зои смутно осознала, что она закрывает за ними дверь и щелкает табличкой «Закрывается».

Они стояли в маленьком бутике товаров для дома, полном красивых подушек и покрывал, а также полок с вазами и керамикой. Она никогда не осмелилась бы привести своих детей в такое место, опасаясь дорогостоящих несчастных случаев.

Женщина подвела ее к довольно милому креслу из розового бархата с элегантными деревянными ножками.

– Присаживайтесь, – подбодрила она.

Зои села.

– Простите. – Она сглотнула, огорченная тем, что произошло. Обхватила голову руками, все еще дрожа от эмоций, и отчаянно попыталась взять себя в руки. – Боже, мне так неловко и так жаль, – с трудом выговорила она.

– Ничего, не волнуйтесь, просто подождите минутку, – сказала женщина, хватая из-за прилавка коробку с салфетками. – Вот, возьмите. Сделать вам кофе? Мятный чай?

– Нет, спасибо. – Зои шмыгнула носом, икнула и попыталась задержать дыхание.

Она всегда дразнила Патрика за его мнительность – «Вызовите «Скорую»! У меня муж простудился!» – но если бы она знала о том, что он на самом деле умрет у нее на руках, она бы относилась к нему с гораздо с большей любовью. Почему она не заботилась о нем лучше, когда у нее была такая возможность? Почему была груба с ним, спорила?

– Может, печенье? Вы выглядите очень бледной, извините, что я вам это говорю. Впрочем, как и все мы после этой ужасной зимы. Вот, возьмите, сделайте одолжение. Иначе я съем их все, – сказала женщина, размахивая перед носом Зои пакетом диетического шоколадного печенья. Зои заметила, что на ней была вызывающе короткая лоскутная юбка, шелковый черный топ и массивное медное кольцо, которое звенело при каждом движении, как крошечные тарелки.

Запах печенья на удивление бодрил. Зои почувствовала, что проголодалась после прогулки и, если подумать, вообще забыла позавтракать за всей этой школьной суетой понедельника.

– Спасибо, – сказала она, беря печенье и откусывая краешек. Сладкие крошки таяли во рту, и она откусила еще кусочек, борясь с желанием проглотить все сразу. Это было восхитительно, и она почувствовала себя чуть более живой. – Извините, – повторила она, сознавая, каким странным должно показаться ее поведение. – Я недавно потеряла мужа. Или, вернее сказать, он умер – я не просто куда-то его спрятала.

Она поморщилась, рискнув взглянуть на другую женщину, опасаясь увидеть у нее на лице выражение «во-что-я-ввязалась?». Но ее спасительница смотрела на нее с состраданием, ее шоколадно-карие глаза светились искренностью. Она была моложе Зои, наверное, лет тридцати пяти, и хорошенькая, с длинными каштановыми волосами и веснушками.

– О боже, – сказала она. – Как ужасно. Мне так жаль. Должно быть, это ад.

Зои пришлось сжать губы, потому что в голосе другой женщины было столько сочувствия, что она едва могла это вынести. И еще – потому, что «ад» – именно то, чем была ее жизнь в эти дни.

– Да, – призналась она дрожащим голосом. – Это было самое худшее, что когда-либо со мной случалось. И я только что почувствовала запах лосьона после бритья моего мужа от другого мужчины и... – Она почувствовала, как лицо заливают горячая краска. – Я знаю, это звучит глупо, но это застало меня врасплох. Мелочи никак не отпускают.

– Держу пари, так и есть, – сказала женщина. – Должно быть, требуется целая вечность, чтобы осознать подобную потерю. – Она снова соблазнительно помахала пакетом с печеньем. – Берите еще, – настаивала она. Затем, когда Зои послушно запустила руку в шуршащий пакет, сказала: – Хотите поговорить или лучше посидите и отдышитесь? Вы, конечно, можете

оставаться здесь столько, сколько захотите, но я могла бы позвонить кому-нибудь, чтобы вас забрали, если вам так будет легче.

Звонить кому-то и привлекать еще больше внимания к своему слезливому срыву было последним, чего хотела Зои. Одной этой мысли было достаточно, чтобы она вскочила на ноги. Колени еще дрожали, но она твердо решила держаться. «Забудь о печенье, пора уходить». У дверей магазина стоял покупатель, вглядываясь сквозь стекло, словно гадая, что происходит внутри, и щеки Зои вспыхнули.

– Все в порядке, – сказала она. Это было неправдой, но это не имело значения. – В любом случае, мне лучше... – Она указала на улицу, реальная жизнь ждала ее возвращения. – Я пойду. И спасибо. – Она заставила себя улыбнуться и быстро направилась к двери.

«Нечего глазеть – я в полном порядке. На сто процентов в порядке; только не спрашивайте меня больше ни о чем».

– Без проблем, – сказала женщина у нее за спиной, но Зои не обернулась. «Иди, иди», – приказала она себе, и тело повиновалось, снова вынося ее через дверь на улицу, быстро – мимо витрины магазина, где женщина, вероятно, все еще с беспокойством смотрела ей вслед, и – прочь. Куда угодно. Просто подальше и быстро.

«Я сорвалась, – сказала она себе, не зная, смеяться ей или плакать. – Видишь, Патрик? Я схожу без тебя с ума».

Глава пятая

Два дня спустя Дэн припарковался на улице возле большой и шумной общеобразовательной школы. Он с легким ошеломлением смотрел через ветровое стекло, как сотни горластых детей с объемистыми сумками, толкаясь, высыпали наружу. «Нет, не все», – поправил он себя. За упитанными, толкающимися и кричащими он заметил нескольких тихих детей. Они шли с опущенными головами, слушали в наушниках музыку, отделенные от кипящей и грохочущей подростковой массы. Дэн подозревал, что его племянник Итан, скорее всего, среди последних. Он хорошо помнил это по своим собственным школьным годам.

Припарковавшись возле почтового ящика, он, как договорились, сразу написал Итану: «Серебристый «Форд Фокус»».

Облокотившись правой рукой об окно, Дэн подумал, что, если не считать бойлера Рут Хендерсон, это была почти первая полезная вещь, которую он сделал с тех пор, как начался его творческий отпуск. На самом деле, если быть честным с самим собой, это было, возможно, самое полезное, что он сделал за весь год. В последние месяцы он чувствовал себя кем-то вроде зомби. Надевал по очереди одни и те же три костюма, совершал одну и ту же поездку на метро каждое утро и вечер, покупал один и тот же сэндвич в одном и том же гастрономе, когда дело доходило до обеда. Иногда он сидел за столом, моргал и ловил себя на том, что не может вспомнить, какой сегодня день недели. Даже какое время года. Иногда ему также казалось, что он был единственной константой в офисе. Вокруг него коллеги женились и заводили детей, уходили на другую работу, посещали интересные курсы, планировали отпуск, искали спонсоров для марафонов и благотворительных велогонок, в которые записались. Тем временем он просто... существовал. Оглядываясь назад, он понимал, что так было с тех пор, как он развелся. Когда в личной жизни все идет наперекосяк, удивительно легко погрузиться в работу, соглашаться на любое задание, каким бы скучным оно ни было, и заменить работой весь мир.

Конечно, творческий отпуск должен был это изменить. Такой длительный отдых рекомендовался всем сотрудникам после десяти лет службы в компании, и сама управляющая директор довольно убедительно сообщила Дэну, что ему следует устроить себе перерыв. Она говорила, что это хорошо повлияет на состояние компании. Они оплатят отпуск; это было невероятно щедрое предложение, которое большинство других членов компании принимали с радостью. Должно же быть что-то, чем он хочет заниматься кроме работы, ведь так?

Сперва он не был в этом уверен. На самом деле он довольно долго барахтался в голой пустыне своего воображения. В конце концов, Дэн не был авантюристом; его квартира в Хаммерсмите находилась всего в трех улицах от дома, где он вырос. Но потом, как раз перед Рождеством, он разговорился с Тигги, одной из секретарш, которая недавно сообщила, что в феврале планирует отправиться в Южную Америку в путешествие всей своей жизни. «Звучит потрясающе, – сказал Дэн, слушая, как она с замиранием сердца описывает маршрут. – Я бы с удовольствием съездил».

«Серьезно? – Она посмотрела на него сквозь очки «кошачий глаз», а затем неожиданно расцвела в улыбке. – Тогда почему бы тебе тоже не поехать? Мой приятель по путешествиям только что бросил учебу, эгоист, и в одиночку мне будет не так весело. И разве тебе не положен трехмесячный отпуск?» Тигги была на десять лет моложе Дэна, она была откровенна и саркастична, в волосах у нее красовалась розовая прядь; короче говоря, она была не из тех попутчиц, которых он выбрал бы для себя. И все же... Было ли глупостью то, что он не смог отказаться? Все его вежливые попытки оттянуть поездку были отклонены ее все более убедительными рассуждениями: «Ты же сам сказал, что это звучит потрясающе, и ты хотел бы поехать – так это твой шанс! Послушай, все улажено – тебе просто нужно забронировать билеты. Помнишь, как дерьмово в этой стране в феврале? Типа, хуже уже не придумаешь, верно? А вместо этого ты

мог бы быть на пляже. Пить коктейли. Учиться серфингу и подводному плаванию с аквалангом – думаю, на острове Пасхи есть местечко, где ты мог бы нырнуть...»

Никто не удивился бы больше самого Дэна, когда к концу пятнадцатиминутного перерыва на кофе он в самом деле сказал, что подумает об этом. Отчасти это было связано с тем фактом, что Тигги была такой неутомимой и восторженной, но также отчасти и потому, что он продолжал наблюдать за этой версией самого себя, которая шла и делала потрясающие вещи, такие как восхождение в горы и погружение с аквалангом, и ему это нравилось. Кроме того, Тигги была права насчет февраля; он тоже всегда считал его самым отвратным месяцем в году.

«Черт возьми, она тебе, должно быть, на самом деле нравится», – поддразнил его Патрик в следующие выходные, когда Дэн упомянул, что подумывает о том, чтобы отправиться в эту безумную, внезапную поездку с коллегой, с которой едва знаком. Дэн запротестовал – Тигги была совсем не в его вкусе, идея представлялась смехотворной, – но чем больше он думал о том, чтобы сесть в самолет и открыть для себя города и джунгли, древние храмы и пляжи, тем больше его соблазняла идея приключений. Почему бы и нет? Он никогда раньше не делал ничего подобного. Никогда не был безрассудным. Даже никогда не был особенно храбрым. После развода его жизнь превратилась в узкий туннель безопасной рутины. Зарабатывал он много, но никогда не тратил. Мысль о том, чтобы вырваться из зоны комфорта и шагнуть к новым горизонтам... Ну, на самом деле, это очень привлекало. Осмелится ли он?

Да, он осмелился. Подбадриваемый Тигги (некоторые сказали бы, что Тигги попросту брала его на слабо), он осмелился. Осенью ему исполнится сорок, и это может стать его шансом наконец-то совершить что-то необычное. И подумать только, как бы впечатлилась – и, возможно, даже позавидовала – Ребекка, если бы услышала о том, что он улетел в совершенно новое полушарие с другой женщиной. Более молодой и хладнокровной. Она всегда ворчала на него за то, что он слишком замкнутый и слишком осторожный. Но вряд ли тебя можно назвать замкнутым и осторожным, если ты решил поехать на другой конец света. Ведь так? «Хорошо, – сказал он Тигги в следующий понедельник на работе. Взволнованный собственной смелостью, он даже подумал, что говорит об этом довольно беззаботно. – Я к тебе присоединюсь».

И вот план сложился. Трехмесячный тур, все тщательно изучено и спланировано. Конечно, не обошлось без таблиц. Он скачал путеводители и советы путешественникам, он работал над маршрутом так же усердно, как и над своей магистерской диссертацией. Они также установили несколько основных правил – или, вернее, Тигги установила, просто, чтобы внести ясность. «Первое: никакого секса», – сказала она, постукивая ручкой по зубам. «Конечно», – подтвердил Дэн, разрываясь между желанием согласиться яростно, что могло оскорбить ее, и согласиться недостаточно твердо, что могло ее напугать. У него горело лицо, пока она излагала другие условия: во-вторых, они могли в любое время пойти разными путями; в-третьих, они... На самом деле к тому времени он перестал слушать, потому что все еще был подавлен правилом «никакого секса». Она ему даже не нравилась, и все же теперь он чувствовал себя каким-то грязным старым извращенцем.

Короче говоря, он не поехал в Южную Америку. Ему оставалась неделя до того, чтобы сесть в самолет, стать другим человеком, когда было найдено тело Патрика, и в этот момент мир снова вернулся в свои узкие границы. «Ты все равно должен поехать», – убеждали его родители, но, конечно, в шоке и суматохе последствий Дэн был не в состоянии это сделать. И все же... Что ж. Это может показаться смешным, но теперь, когда у него был предлог не ехать, отменить поездку в некотором смысле было облегчением. Облегчением, потому что, хотя он никому не говорил об этом, он немного нервничал из-за того, что ему предстоит провести так много времени вне безопасного пузыря своей обычной рутины. Он все больше нервничал из-за того, что проводит так много времени с Тигги. Чем больше он узнавал ее, тем больше понимал, насколько они разные люди. Она, вероятно, захочет посещать дикие вечеринки и нюхать

наркотики с мускулистой мужской бразильской груди, в то время как он... нет. В конечном счете он только разочаровал бы ее. Стал бы обузой.

«Что? О боже, – выдохнула Тигги, когда он позвонил и сказал ей, что не поедет, захлебываясь словами от шока и горя, когда объяснял, почему. – Черт, Дэн. Так жаль. И соболезную, я имею в виду причину. Но послушай – подожди с месяц и приезжай, когда тебе захочется, ладно? Может, тебе будет полезно развеяться. Да?»

«Да», – тупо ответил он, но уже тогда знал, что не сделает этого. Его путешествие уже исчезло, как мираж, как яркий сон, за который он так и не сумел ухватиться. В это утро он получил от нее открытку из Вальпараисо с надписью: «Жаль, что тебя здесь нет!», но она писала словно из другой вселенной, попасть в которую ему казалось нереальным.

Все равно. Как бы то ни было. Вместо этого он был здесь, делая, по крайней мере, что-то практичное. Со всей пунктуальностью он был готов посвятить себя первой встрече дяди и племянника в новом мире после Патрика. Зои написала ему адрес, и Дэн ощутил прилив – чего? ностальгии? боли в сердце? – когда понял, где находится клуб скульптуры: через две улицы от того места, где они с Ребеккой снимали свою первую квартиру, в старые добрые времена оптимизма и любви. Впрочем, если оглянуться назад, их различия были очевидны уже тогда. По выходным она любила часами валяться в постели; он этого не делал. Ей нравилось, когда друзья заглядывали в любое время дня и ночи; ему – нет. Ей было все равно, как загружать посудомоечную машину, в то время как он точно знал, что его способ более эффективен. Они поддразнивали друг друга по этим поводам, и никто из них по-настоящему не придавал им значения, пока спустя годы после женитьбы все это не приобрело значимость. Очевидно, ее привычки оказались для нее важнее, чем желание оставаться с ним.

«Хватит о Ребекке», – сказал он себе. Ему нужно было перестать оглядываться и начать снова смотреть вперед. Сегодня все сводилось к тому, чтобы нужно быть позитивным, сделать еще один шаг, восстановить равновесие и все исправить. Забыть о своих планах на поездку. Дэн намеревался посвятить оставшиеся два месяца своего творческого отпуска тому, чтобы заметить брата. Он не мог вернуть его, но мог встать на его место, заглушить часть боли, вызванной отсутствием Патрика, заменить его, насколько это возможно. Верный себе, за выходные он уже составил таблицу, чтобы отслеживать свой прогресс. «План Патрика» – так Дэн озаглавил документ и, распечатав его, почувствовал себя более уверенно, как будто у него снова появилась цель.

«Если он сможет выполнить хотя бы одну задачу, которую Патрик выполнял для своей семьи и бизнеса каждый божий день, он сумеет облегчить это бремя», – подумал он. Сейчас был почти конец марта, а он должен был вернуться на работу только в начале июня. Только подумать, чего он может достичь за это время! И, возможно, к этому моменту они все вместе смогут пройти этот путь, по крайней мере, перейти ко второй фазе тяжелой утраты, когда шок и опустошение начинают понемногу проходить.

Таблица теперь была приколотая на холодильнике Дэна – он старался не думать о том, как она похожа на все те детские награды, которые Патрик и Зои вывешивали на холодильнике, чтобы поощрять хорошее поведение своих отпрысков. Он попытался заглушить в своей голове голос Патрика, поддразнивавшего его за эту методичность: «Жизнь – это не таблица, Дэн! Ты не втиснешь людей в коробки и диаграммы». Дэн поймал себя на том, что мысленно отвечает: «Каждому свое». Таблицы еще никогда его не подводили.

В верхней части страницы он перечислил все лучшие черты брата, которым он хотел бы подражать: отличный отец, любящий муж, успешный бизнесмен и так далее. Затем, в аккуратных столбцах ниже, он придумал несколько способов, которыми мог бы попытаться заполнить пробелы, оставленные Патриком. Сейчас они включали:

Время с Итаном – каждую неделю он будет отвозить его на занятия по скульптуре в клуб скульптуры и забирать обратно. Они смогут болтать друг с другом по-мужски о том, о чем Итан

не может говорить с Зои. Может, иногда на обратном пути они будут заезжать за каким-нибудь вредным бургером, чтобы скрепить узы. Итан может довериться ему, положиться на него, как на замену отца. По крайней мере, Дэн на это надеялся.

Время с Гейбом. Здесь Дэну было менее ясно, чем они могут заниматься, хотя он чувствовал, что его младший племянник предпочел бы, чтобы это было что-то захватывающее и, возможно, опасное. Или связанное с футболом. Они могли бы иногда вместе смотреть матчи «Фулхэма», как Гейб с Патриком. Может быть, покататься на горных велосипедах или найти какое-нибудь другое занятие, связанное с экстримом?

Время с Би – тут у него было еще меньше идей, хотя он и заверил Зои, что готов к этому, чем бы ни захотела заняться его маленькая племянница. Если ее нужно сопровождать на уроки танцев, заниматься с ней после школы декоративно-прикладным искусством или... Он прикусил губу, не в силах предложить что-либо еще. «Видишь: вот к чему нужно приложить усилия», – сказал он себе. Нужно снова познакомиться со своими родственниками, как подобает хорошему дяде.

Также в списке: *быть рядом с Зои.* Это также было трудно оценить количественно, но он постарается помочь, когда это будет необходимо, хотя ему придется проявлять осторожность. Он съезжился, вспомнив, как она искоса посмотрела на него в воскресенье, когда он предложил подстричь газон. «Я умею пользоваться газонокосилкой, Дэн, я не совсем невежественна, – усмехнулась она в ответ. – Кроме того, этой весной трава еще толком не выросла, было так холодно. И разве в наши дни не нужно позволять газонам разрастаться немного больше, чтобы быть ближе к дикой природе?»

Она дала ему понять, что его предложение было бестактным, и ему пришлось отступить. Но затем она добавила: «Можешь пропылесосить, если так отчаянно желаешь спасти меня от растущей волны домашних дел», тем самым подчеркнуто указав ему на гендерность его предложений о помощи. Может, он излишне ее опекает, мрачно подумал он про себя, некоторое время спустя елозя выдавшим виды красным пылесосом «Генри»⁷ по полу гостиной. Он гордился тем, что был современным и поддерживал идею равенства полов, но перескочил на старомодные представления о мужской и женской работе, и Зои справедливо указала ему на это. Однако он будет продолжать над этим работать. Может быть, он мог бы...

Он подскочил от неожиданности, когда в следующее мгновение дверь машины открылась и неловко сгорбившийся Итан заглянул внутрь.

– Привет, – сказал он.

– Привет, приятель! Хорошо провел день? Садись, – отозвался Дэн, заводя двигатель.

Итан снял с плеч увесистый рюкзак и забрался на пассажирское сиденье.

Они влились в медленный и плотный поток отъезжающих от школы машин и двинулись в сторону шоссе А3. Мелкая раздражающая морось покрывала крапинками ветровое стекло.

– Так как прошел день? – уточнил Дэн.

Он хотел, чтобы племянник услышал: «Мне не все равно. Мне интересно. Мне настолько не все равно, что я напечатал целый список способов искупить вину за смерть твоего отца и повесил его на холодильник, понимаешь?» Пожалуй, говорить об этом вслух не следовало, но он был полон решимости показать, что пришел в жизнь Итана всерьез и надолго.

– Так какие у тебя сегодня были уроки? – спросил он.

– Дерьмовые, – безразлично отозвался Итан.

– Хм, – проронил Дэн, раздумывая, стоит ли комментировать язык племянника, но решил пока не придирааться. В конце концов, он хочет быть крутым, дружелюбным дядей, а не педантичным придурком. Он затормозил на пешеходном переходе, и они смотрели, как пожи-

⁷ «Генри» (также известный как Генри Гувер) – торговая марка канистровых пылесосов, производимых компанией Numatic International. На корпусе пылесоса изображено человеческое лицо в мультяшном стиле.

лой мужчина на костылях переходит дорогу, а потом, по-видимому, рискуя потерять равновесие, поднимает руку в знак благодарности.

– Так какие же тогда уроки не дерьмовые? Есть какие-нибудь не дерьмовые уроки? – уточнил Дэн, поднимая руку в ответ на жест старика – «не торопитесь» – и оглядываясь на Итана, который пожал плечами.

Справедливости ради он, вероятно, в этом возрасте ответил бы так же. «Дэниел подает надежды, но никак не может полностью проявить себя» – это было постоянной темой школьных отчетов. Если подумать, то это в значительной степени было повторяющейся темой всей его жизни.

– Как прошла неделя? – довольно неловко спросил он, на что Итан пожал плечами и пробормотал: «Хорошо», не раскрывая подробностей.

Так. Это будет не так просто, как он надеялся. После целого дня в школе, а теперь – в незнакомой обстановке дядиной машины, возможно, не было ничего удивительного в том, что Итан, казалось, не был готов ни к общению, ни к доверительности.

– Я включу музыку, – сказал Дэн, когда между ними повисла напряженная тишина. Он включил радио и ощутил себя полным неудачником, когда канал «Файв Лайв» любезно заполнил тишину спортивными комментариями.

– Интересуешься легкой атлетикой? Если хочешь, поищи музыкальный канал, – предложил он, переключая передачу и подъезжая к кольцевой развязке.

На мгновение ему показалось, что Итан проигнорирует его, но затем мальчик достал из кармана пиджака телефон.

– А можно я подключу телефон к твоему блютузу – поставлю что-нибудь из своего? – спросил он.

– Что? Да, конечно. Ты можешь просветить меня.

Итан завозился, соединяя устройства, и Дэн почувствовал, что заинтригован. Что он выберет? Какой-нибудь дерзкий подростковый поп? Он как-то не мог себе этого представить. Тяжелый металл? Вряд ли.

В следующее мгновение из динамиков вырвались громовые фортепианные аккорды, быстрые и яростные.

– Бетховен, – пояснил Итан, немного прибавляя громкость.

Ладно, этого он не ожидал. В классической музыке Дэн был невеждой; он предпочитал что-нибудь с припевом, которому можно подпевать, ритмом, который можно выстукивать на руле, застряв в пробке. Тем не менее он ощутил настойчивость музыки, темп, настолько неистовый, что трудно было представить, как чьи-то пальцы могут так быстро скакать по клавишам. Воздух наполнился крещендо.

– Ух ты, – сказал он. – Значит, ты этим занимаешься, я так понимаю? Играешь сам?

– Нет, – сказал Итан. – Мне просто нравится.

Они ехали, прислушиваясь к струящимся звукам музыки, Итан – с закрытыми глазами, Дэн – вспоминая коробку с документами, которую он забрал у Зои, пообещав разобраться. Она также отдала ему рабочий телефон Патрика, который был полон так и оставшихся без ответа сообщений и незарегистрированных телефонных звонков. «Не возражаешь? Просто одно цепляется за другое», – сказала она извиняющимся тоном, но Дэн только рад был снять это с ее плеч, не в последнюю очередь потому, что это была еще одна задача, которую он мог добавить к своему секретному плану, висящему на холодильнике.

Естественно, он не собирался проводить какие-либо строительные работы или рассылать преискурранты цен людям, которые об этом просили, но был почти уверен, что сможет разобраться с арендаторами Патрика. «В конце концов, разве это так трудно? Скорее всего, он все равно мало что от них услышит», – решил он. До сих пор ему, по крайней мере, удалось справиться со все более отчаянными звонками от миссис Хендерсон по поводу ее бойлера, но

были и другие сигналы, требующие внимания: семья в Шепердс-Буше, у которой заднюю дверь дома взломал неудавшийся вор, и теперь эта дверь не запиралась должным образом; мужчина, подавший объявление о своей квартире в «Эктон»; пожилая женщина («Это Розмари, дорогуша»), которая сказала, что «уже несколько раз слышала мышь, не могли бы вы заглянуть?». Дэн перезвонил им всем, почувствовав укол тревоги, когда понял, что номер «дорогуши Розмари» записан в телефоне брата как «Заноза в заднице». Срочно заказав слесаря, чтобы тот как можно скорее отправился в квартиру в Шепердс-Буше, он столкнулся с несколько более обременительной задачей: заскочить завтра утром к так называемой «Занозе в заднице».

– Слушай, твой отец когда-нибудь упоминал, что ему звонит кто-то из жильцов по имени Розмари? – с любопытством спросил он Итана. Ему пришлось повысить голос, чтобы быть услышанным из-за музыки, которая, казалось, закручивалась в сверкающем во всеоружии финале.

– Розмари? Да, постоянно. Самая ноющая старая корова, которую он когда-либо встречал, – ответил Итан. – Эээ... Дядя Дэн, мы пропустили поворот. Надо было свернуть налево.

– Упс. Извини. Прошляпил, – сказал он, разворачиваясь на следующем перекрестке и возвращаясь назад.

Он понял, что автоматически направился по своему старому адресу; воспоминания обо всех этих поездках запечатлелись в его памяти на глубоком клеточном уровне, и теперь всплыли, как будто он никуда и не уезжал. Может, перестанешь быть этим парнем из Уондсворта... как говорится.

Наконец они добрались. Скульптурная мастерская снаружи выглядела довольно невзрачно. Безликая промышленная постройка с большими металлическими жалюзи, расположенная у проезжей дороги недалеко от Хай-стрит. Тем не менее Дэн слышал хип-хоп музыку, доносившуюся из открытого окна, визг чего-то, похожего на шлифовальную машинку, а также выкрики и смех, и ему стало интересно.

– Мне зайти и убедиться, что ты... – начал он спрашивать, но Итан отодвинулся и покачал головой:

– Нет, все в порядке. Со мной все в порядке, спасибо.

Иными словами: сейчас же садись и уматывай, старина; не показывайся перед моими приятелями по искусству. Ясно.

– Встретимся у машины, – ответил Дэн, уходя.

Теперь у него было полтора часа, которые надо как-то убить. В этом и заключалась проблема с трехмесячным творческим отпуском, с путешествием, в которое он так и не отправился из-за смерти брата; дни, как правило, издевались над ним своей пустотой. Прошлой ночью он понял, что, если бы все сложилось иначе, они с Тигги к этому моменту уже были бы на пути в Аргентину, и несколько печальных минут безнадежно представлял себе другую версию себя: как он отправляется в поход, чтобы увидеть ледник Перито Морено или есть потрясающий стейк в Буэнос-Айресе. «Не бери в голову».

«Кризис среднего возраста Дэна», – поддразнивал его Патрик в ту последнюю ночь в пабе, когда Дэн показывал ему фотографии соляных равнин Боливии, которые с нетерпением жаждал увидеть, и описывал план похода по тропе инков в Мачу-Пикчу. «Завидуешь?» – спросил Дэн. Он сказал это, чтобы увидеть проблеск негодования на лице брата. Да, Патрик завидовал. В кои-то веки Дэн делал то, чего Патрик никогда не делал. В кои-то веки семья, бизнес и хороший дом выглядели так спокойно и безопасно по сравнению с грядущим Большим Приключением Дэна. Конечно, Патрик никогда бы в этом не признался.

– Завидую тебе? Не дожدهшься, – усмехнулся Патрик.

Неважно. В любом случае теперь это было в прошлом, потому что Дэн даже не добрался до Хитроу, а Патрик не ревнует, потому что умер. Он всегда выбирал для себя лучшее, не так ли? Последнее слово всегда должно было оставаться за ним. Дэн вслепую уставился на тротуар.

Он отдал бы все, чтобы Патрик вернулся, чтобы снова по-братски посидеть в пабе, пусть даже к концу вечера разговор свернет вовсе не туда. Но не было ни малейшего шанса, что это когда-нибудь повторится. Напрасная трата времени.

Сам того не сознавая, Дэн вышел на улицу, где они с Ребеккой когда-то жили вместе, и вздрогнул, когда понял, куда привели его ноги. Квартира на первом этаже, Уиндермир-роуд, 21. Славное было времечко.

Он вспомнил, какой свалкой было поначалу это место – дешевой свалкой, с ужасным унитазом цвета авокадо, раковиной в ванной и запахом плесени на крошечной кухне. Подушки на коричневом вельветовом диване были порваны и источали печальные маленькие облачка пыли, на ковре в спальне красовалось пятно чего-то похожего на кровь. Но со временем жилье превратилось в уютное гнездышко – их гнездышко, которое они перекрасили, привели в порядок и сделали по-домашнему уютным. Красный индийский плед Ребекки с вышивкой «шиша»⁸ преобразил диван, а ковер с Камден-Маркет скрыл сомнительное пятно на ковре в спальне. Кухня была украшена гравюрами в стиле поп-арт в рамках и кактусами на подоконнике; они купили ретробажуры и подушки, а над каминной полкой повесили большую карту мира и воткнули разноцветные булавки во все места, которые хотели бы исследовать.

Стоя сейчас перед домом, он почти ожидал увидеть там своего мерцающего призрака, шагающего по дорожке и входящего внутрь. Счастливого прежнего Дэна, который улыбался незнакомым людям и был влюблен в красивую девушку, Дэна, у которого были большие планы на будущее, который еще не знал, что в ближайшие годы получит сногшибательное повышение на работе и войдет в новый круг уверенных, харизматичных друзей. К тому времени они сделали решительный шаг и купили более шикарный дом в Клэпхеме, и он быстро начал чувствовать себя брошенным. Как будто разочаровал ее. «Неужели ты не можешь быть немного усерднее?» – раздраженно спросила она его однажды, когда он сопровождал ее на гламурную работу в Гибсон-холле и обнаружил, что не умеет вести светские беседы. Он стеснялся и чувствовал себя не в своей тарелке, в то время как она с легкостью пробиралась сквозь толпу, все больше отдаляясь от него.

Раздражающий морозящий дождь превратился в решительно барабанивший ливень. Когда капли дождя намочили волосы и начали скользить за воротник, Дэн пошел прочь от дома, назад по мокрому тротуару, и нырнул в ближайший паб. Их прежнее любимое местечко – несмотря на то что он, казалось, сохранился с тех времен, когда в пабах сидели исключительно старики со своими собаками: стены табачного цвета и липкие ковры. Теперь его сменила шикарная закусочная с выкрашенными в изысканный бордовой цвет стенами и полом из каменных плит. «Все изменилось, пока ты смотрел в другую сторону», – подумал он, подходя к бару и заказывая кофе. В пабе было тихо, и Дэн смог посидеть у окна, глядя на едущие по Хай-стрит автобусы, явно плевавших на дождь подростков в школьной форме на велосипедах, покупателей с зонтиками, прохожих, не поднимающих глаз от своих телефонов. Он тоже достал телефон, чтобы хоть чем-то заняться, и впервые за несколько недель открыл Фейсбук. Тигги опубликовала несколько фотографий, большинство из которых оказались вариациями на тему: она зажата между двумя бронзовыми, желтыми и смазанными маслом мужчинами на пляже, и слегка фыркнул со смесью симпатии и сожаления. Там было еще много непрочитанных сообщений с соболезнованиями по поводу смерти Патрика, которые он не смог должным образом прочитать и на которые не смог ответить, в том числе... о боже. Он действительно вздрогнул, когда увидел там ее имя. В том числе и от Ребекки. О дьяволе речь, и дьявол навстречь. Не успев задуматься, он нажал на сообщение: «*Потрясена, узнав новости о Патрике, – напечатала она две недели назад. – Он всегда был полон жизни. Думаю о тебе и твоей семье.*»

⁸ Традиционная индийская вышивка с использованием маленьких зеркал.

Он стиснул зубы, и ему пришлось быстро отложить телефон, потому что поток эмоций угрожал захлестнуть его. Столько чувств. Слишком много чувств. «Не думай об этом, – приказал он себе. – Не думай о ней». За последний месяц он так искусно научился пресекать болезненные мысли, словно набрасывал платок на клетку с птицей; он даже не заглядывал под него. Но сегодня...

Может быть, потому, что он вернулся на Уиндермир-роуд и ощутил, как прошлое кладет руку ему на плечо, сегодня это оказалось не так просто. Внезапно он обнаружил, что переходит на страницу Ребекки, желая узнать, как она живет. Они расстались три года назад, и хотя с тех пор Дэн упорно старался не интересоваться ею слишком много, он не смог пропустить прошлым летом главный факт: ее повторный брак с каким-то широкоплечим альфа-самцом по имени Рори. Тогда Дэн лишь мельком взглянул на фотографии, но Рори выглядел как человек, который летал на вертолетах ради развлечения и спасал жизни детей в перерывах между заключением крупных глобальных сделок в рабочее время. У него определенно были бы одни из тех массивных дорогих часов, если бы он мог найти достаточно большие, чтобы обхватить свое широкое сильное запястье. «Все в порядке, мне все равно – я с ней уже расстался», – заявлял Дэн любому, кто слушал его во время восьмипинтовой пьянки в день ее свадьбы, незадолго до того, как у него все поплыло перед глазами.

Он снова взглянул на экран и увидел, что ее последнее обновление было весьма загадочным. «*Завтра большой день! Скрестите за меня пальцы*». «Тьфу», – плюнул он, немедленно закрывая приложение. На этот раз у нее, вероятно, планировалось собеседование с генеральным директором Мира, чтобы получить повышение зарплаты и должности. Удивительные праздничные дни с Рори и их друзьями высокого полета. Его лицо вспыхнуло, он снова почувствовал себя отвергнутым. «Он, конечно, не станет ничем поступаться ради нее», – подумал он.

Ливень уже прекратился, и тротуар влажно блестел под робкими лучами солнца, пробивавшимися сквозь голубовато-серые облака. Автобус резко затормозил перед зазевавшимся велосипедистом и издал неодобрительный гудок. Прошла группа женщин с детскими колясками, все в лайкре и огромных разноцветных кроссовках, собранные в хвост волосы покачивались в унисон.

Тут Дэн понял, что в кармане куртки звонит рабочий телефон Патрика, и попытался вытащить его. «Заноза в заднице», прочитал он на экране и издал сдавленный стон. Иногда он не мог отделаться от мысли, что вселенная имеет на него зуб.

– Как дела? Что ты сегодня делал?

Кофе закончился, требовательный абонент на время унялся, мысли о Ребекке были надежно спрятаны в воображаемой папке с пометкой: «Не беспокоить». Дэн и Итан направлялись назад в Кью. Однако, как и прежде, разговор, как и движение транспорта, не складывался, хотя из динамиков гремел очередной яростный концерт.

– Это групповой проект, – пожав плечами, пробормотал Итан. «Ну же, малыш, дай мне что-нибудь, за что я мог бы зацепиться», – подумал Дэн, стараясь не вздохнуть, и включил обогреватель. Итан казался таким довольным в пятницу, когда Дэн предложил его подвезти. Что изменилось с тех пор? – Это человек. Из металла, – ответил Итан, как будто у него не было сил на длинные предложения. Оглянувшись, Дэн подумал, что вся его поза говорит о замкнутости и нежелании общаться: колени развернуты к двери, в сторону от Дэна, как будто племянник не хочет видеть дядю. Что-то случилось в клубе? Может быть, кто-то придрался к нему или доставил неприятности?

– Все в порядке? – снова спросил он, когда они влились в Южное кольцо, судя по всему, вместе с половиной транспортных средств в столице.

Глупый вопрос. Он понял это, едва слова сорвались с губ. Конечно, с Итаном было не все в порядке. Когда Дэн запомнит, что нужно перестать полагаться на такие неуместные и банальные подсказки в разговоре?

– Послушай, я знаю, что никто никогда не заменит тебе отца, – сказал он, – но ты можешь просто поговорить со мной? Считаю меня... не знаю, например, его заместителем, а?

В следующий момент Дэну пришлось обгонять фургон, поэтому он не мог быть полностью уверен, но ему показалось, что Итан, кажется, пробормотал: «Заместитель – хренмеситель» или что-то в этом роде.

Вздвигнув, Дэн снова посмотрел на него.

– Что случилось? – спросил он. – Просто скажи, что бы это ни было.

Повисла напряженная пауза.

– Это насчет того, как умер папа, – наконец пробормотал мальчик, уставившись на свои руки.

Ах ты, черт. Он ведь рано или поздно собирался затронуть эту тему, ведь так?

– И что насчет этого? – спросил Дэн, чувствуя себя так, словно ступил на натянутый канат. «Не смотри вниз. Продолжай дышать. Осторожно, маленькими шажками...»

– Я слышал, мама говорила... Ну, никто толком не объяснил, что произошло, – поспешно произнес Итан. Его обычно бледное лицо покраснело, в голосе появилась жесткость. – И я слышал, как мама сказала, что винит тебя. За то, что папа умер. Она сказала, что это твоя вина. И я просто подумал... Я имею в виду, это так и было? Есть что-то, чего я не знаю? – Его руки сжались в кулаки. – Потому что мне нужно знать, – хрипло закончил он.

У Дэна внезапно пересохло во рту. «Если бы Патрик мог сейчас видеть своего мальчика, свирепого и храброго, задающего этот действительно сложный вопрос своему дяде, он бы им гордился», – с болью подумал Дэн. Но в то же время, что он должен был сказать в ответ? Более того, зачем им понадобилось заводить такой сложный разговор на вздымающемся Южном кольце, где он останавливался на первой передаче?

– Это был несчастный случай, – начал он. – Твой отец... – Он заколебался, опасаясь сказать слишком много. – Что твоя мама рассказала тебе о той ночи?

– Что он свалился в реку и утонул.

– Да.

Перед глазами возникло тело Патрика из кошмаров Дэна: бледное и раздутое, глаза наполовину съедены рыбами, водоросли запутались в темных волосах. На самом деле он сам не видел Патрика на столе в морге, это бедная Зои пошла опознать тело, но его воображение заполнило пробелы достаточно яркими деталями.

– Так и случилось. К сожалению.

– Тогда... Почему она думает, что это твоя вина? – Колено Итана дрожало от напряжения, голос был тихим, но жестким. Кулаки все еще были сжаты, как будто он был готов в любой момент начать сыпать мстительными ударами. – Я имею в виду, это ведь не ты столкнул его туда, правда?

– Нет! Господи, ты так думал?! Нет! Абсолютно нет. Я не сталкивал его. Меня там даже не было.

Плечи Итана обмякли, он громко выдохнул.

– Хорошо, – сказал он. – Извини. Но почему мама считает...

– Потому что... – Теперь они переходили к самому главному. – Потому что в тот вечер он должен был остаться у меня, а не идти домой один.

Итану потребовалось время, чтобы переварить это. Дядя – не убийца. Нет нужды в сыновней мести. Можно опустить оружие.

– Подожди, но... еще один вопрос. Почему он не остался? Я имею в виду, не остался у тебя дома.

Вот оно: тот самый момент, с которым совесть Дэна боролась снова и снова, бесконечно, каждый чертов день с тех пор, как исчез Патрик.

– Потому что... – Тошнота подступила к горлу, но он заставил себя вспомнить, как они, уставшие, спотыкаясь, вышли из паба. Дэн сердито шагал впереди и говорил Патрику, что тот должен идти домой, потому что ему не рады; он не хотел его видеть. И брат пожал плечами и ушел, оставив Дэна ошестинившимся от бессильной ярости. Как всегда! Патрик даже не мог как следует поспорить тогда, когда Дэну действительно нужно было с ним поговорить.

Он крепче сжал пальцами руль, пытаясь найти подходящие слова в ответ на вопрос Итана.

– Мы поссорились, – пробормотал он наконец ту же робкую фразу, которую блял Зои, родителям, всем остальным, кто его спрашивал. – Знаешь, как это бывает между братьями? Все было сказано сгоряча.

Дэн рискнул взглянуть на Итана, выражение лица которого было непроницаемым, напряженным и сосредоточенным. Он не выглядел убежденным, хотя слово «братья», несомненно, задело его за живое.

– Послушай, я молю Бога, чтобы все изменить, вернуть тот вечер и сделать все по-другому, но я не могу, – неожиданно серьезно сказал Дэн. – Но в этом не было ничьей вины. Просто одна из тех ужасных, несчастливых вещей, которые иногда случаются.

Музыка достигла крещендо, и это казалось вполне уместно. Итан ничего не ответил. Дэн был почти уверен, что ему плевать на случаи или на то, чья это вина; его волновало только то, что у него больше нет отца, что однажды, ужасной февральской ночью его мир рухнул. «Я сделаю все, что могу, – мысленно поклялся Дэн племяннику. – Обещаю. Я всегда буду стараться делать для тебя все до конца своей и твоей жизни».

Глава шестая

На следующее утро Зои сидела в приемной врача и лениво просматривала на телефоне новостной сайт. Еще одна бессонная ночь, и она начала чувствовать, что теряет контроль над рассудком. Глаза болели, в голове звенело, все тело казалось тяжелым и неуклюжим. Она мечтала о снотворном, которое вырубит ее, отправит в забытье. «Мне нужна помощь». Она представляла, как скажет это доктору, когда наконец подойдет ее очередь. «Я так больше не могу. Несколько дней назад я разрыдалась на тротуаре, и меня спасла добрая продавщица. Что мне делать? Когда я снова начну чувствовать себя нормально?» Она надеялась, что не опозорится, разрыдавшись, но не могла этого исключить. В эти дни ее слезные протоки, казалось, были на взводе, постоянно готовые исторгнуть очередную порцию слез.

– Хочешь, я приеду на выходные? – спросила ее мама по телефону прошлым вечером.

Зои излила ей душу, и теперь в голосе матери звучала тревога. Боже, как заманчиво было ответить «да». Какая-то ее часть очень хотела спрятаться в убежище материнских объятий – уткнуться в нее, как она делала, когда была маленькой застенчивой девочкой, но она все-таки с сожалением сказала «нет». Она должна справиться, ради детей, взять на себя ответственность за ситуацию, а не уклоняться от нее. Кроме того, если она будет слишком сильно полагаться на маму, то, возможно, никогда больше не сможет подняться.

– Мари О’Коннор, – услышала она голос женщины за стойкой регистрации и, повернув голову, увидела стоящую рядом знакомую по школе родительницу. Очень здорово. Сейчас точно начнется сочувствующий разговор типа «как поживаете?», в котором Зои не светит добраться до конца первого предложения, не утратив собственного достоинства. Она склонилась над телефоном, надеясь, что Мари не заметит ее в углу, молясь, чтобы ее вызвали на прием прямо сейчас, чтобы таким образом избежать неловкости.

Она услышала шаги Мари и ощутила сильный запах жасминовых духов, но никаких «как поживаете?» не последовало. Окинув взглядом маленькую комнату, она успела увидеть, что женщина заметила ее, а затем быстро отвернулась. Зои почувствовала, как у нее волосы встали дыбом. Такое случалось часто – люди притворялись, что не видят ее, потому что чувствовали себя неловко рядом со скорбящей вдовой. И это во многом было еще хуже, чем раздражающее «как поживаете?». И догадайтесь, почему она чувствовала себя так чертовски неуютно каждую минуту. «Это просто потому, что они не знают, что сказать, – успокаивала Клэр, когда Зои пожаловалась ей на это. – И на самом деле здесь нечего сказать, кроме, разве что, “мне так жаль, что это случилось, чем я могу помочь?”».

«Так почему же тогда они этого не говорят? Вместо того, чтобы переходить на другую сторону улицы, чтобы избежать встречи со мной, как будто я чумная? Как будто я не вижу, как они ускользают, трусы!»

Ее тошнило от того, что люди избегали ее из-за собственной слабости. Ладно, десять секунд назад она, возможно, и не хотела бы никакого разговора, но теперь, напротив, чувствовала, что должна его начать.

– Привет, Мари, – многозначительно сказала Зои через оживленный зал ожидания. – Я вас вижу.

Мари сразу же подняла глаза, на ее лице было написано чувство вины. У нее были светлые рыжие волосы и фарфоровая кожа, на которой даже слабый румянец расцветал огненным цветом.

– Извините, я задумалась, – сказала она, и это было такой откровенной ложью, что Зои с трудом сдержала сардоническое фырканье. – Как вы? Мы все так скучаем по Патрику.

– Зои Шепард? – окликнула появившаяся в дверях доктор. «Слава Господу».

– Пока, Мари, – сказала Зои, вставая со своего места и уходя. Ее нервные окончания оцетинились. «Мы все так скучаем по Патрику», – сердито подумала она. Муж Мари, Джон, дружил с Патриком; не Мари, которая едва его знала. Некоторые люди просто любят наживаться на несчастье другого человека и присваивать его как свое собственное. У нее внезапно промелькнуло воспоминание о похоронах: Мари рыдала в глубине церкви, худая и красивая в своем черном траурном платье. «Как она посмела? – думала Зои, следуя за доктором в кабинет. – Проливала фальшивые слезы, на которые даже не имела права!»

Доктор Гупта посмотрела на записи Зои на компьютере, затем перевела взгляд на саму Зои. «Вот оно, профессиональное сострадание», – подумала Зои, заметив склоненную голову доктора и обеспокоенный взгляд. Это длилось секунду.

– Ну, Зои, как поживаете? – спросила доктор Гупта. «Бинго». – Чем я могу сегодня вам помочь?

– Вон там. Слышите? Как раз там.

Дэн с некоторым трепетом отправился в Шепердс-Буш навестить Розмари, восьмидесятилетнюю женщину, которая, по общему мнению, была проклятием жизни его брата. Ожидая столкнуться со старой горгоной с кислым лицом в ее собственном логове, он был удивлен, увидев открывшую ему дверь невысокую, довольно миловидную даму, одетую в тщательно выглаженную блузку цвета слоновой кости и твидовую юбку. Из шиньона выбивались завитки длинных белых волос. Ее помада была безупречна, а когда она шла через гостиную, он уловил слабый аромат цветочных духов.

– Слышите? – спросила она, когда он последовал за ней.

– Мышь? Миссис...

Он забыл ее фамилию. Определенно не стоило называть ее миссис «Заноза в заднице».

– Розмари.

– Миссис Розмари, – продолжил он. – Мне кажется, это не мышь, а половица. – Он нажал ногой на ковер лососевого цвета, демонстрируя, что имеет в виду. – Слышите?

Она скрестила руки на груди, и на мгновение он подумал, что она собирается возразить – она так настаивала по телефону, что у нее проблема с грызунами, – но затем ее плечи опустились, и она посмотрела на ковер.

– О.

– Я понимаю, почему вы подумали, что это мышь, – быстро сказал он, не желая, чтобы она чувствовала себя неловко. – Этот звук очень похож на мышинный писк. – Он снова нажал на половицу и кивнул, когда звук повторился.

– Значит, надо будет поднимать ковер, – сказала Розмари, поджимая губы. Дэну показалось или она казалась довольной такой перспективой? – Вы ведь захотите это исправить, не так ли? Я имею в виду, если станет хуже.

– Гм... – отозвался Дэн, который на самом деле не видел смысла так сильно напрягаться из-за скрипучей половицы. – Ну, я не уверен, что это срочно, но...

– Я поставлю чайник, – сказала она и сбежала прежде, чем он успел закончить фразу. – Пока вы здесь, можете еще взглянуть на кухонную раковину. На днях от нее исходил странный запах.

«Многовато для короткого визита», – подумал Дэн примерно час спустя, выпив две чашки кофе и несколько раз отказавшись от третьего кусочка фруктового пирога. Как только он устранял – или сбрасывал со счетов – одну «проблему», таинственным образом возникала следующая.

– О, вы такой умница, – похвалила его женщина, когда он поменял лампочку в светильнике на прикроватной тумбе. – Спасибо, дорогуша, – воскликнула она с явным восторгом, когда Дэн поставил рассекатель на кран в ванной.

А потом, когда он хотел встать и уйти – нет, правда, ему совершенно необходимо было уйти, – она застала его врасплох, спросив:

– А где же Патрик? Не то чтобы я жалуясь. Вы гораздо милее. Но он в отпуске или что-то в этом роде?

Потрясенный, Дэн откинулся на спинку стула. Он так и думал, что она в курсе.

– О, – сказал он, с трудом сглотнув. У него было такое чувство, словно на зубы налип фруктовый пирог и залепил ему весь рот. – Он умер, – с трудом выдавил Дэн. – Я его брат. Простите, я думал, что говорил вам. – Он провел рукой по волосам. – Я запутался, кому говорил, и...

Она замерла, ошеломленная собственной бестактностью, и они оба с минуту сидели, глядя друг на друга.

– Боже милостивый, – наконец сказала она, ее глаза расширились от сочувствия. – Мне очень жаль. Как он?.. Я имею в виду, вы, конечно, не обязаны мне отвечать, но... это было неожиданно? Должно быть, так. Я видела его только... ну, в прошлом месяце. Я действительно удивлялась, почему он не отвечает на мои звонки, но подумала, что он, возможно, в отпуске, или потерял свой телефон, или... Боже мой. Что случилось?

Снова этот вопрос. Дважды за два дня. Дэн вспомнил настороженное лицо Итана, напряжение, которое выдавали его скрюченные пальцы, зажатая поза. Тем не менее Дэн не был обязан рассказывать что-либо арендатору Патрика так, как он должен был рассказать это сыну Патрика.

– Это был трагический несчастный случай, – сказал он Розмари, не встречаясь с ней взглядом. Отодвинул стул и поднялся на ноги. – Очень печально. А теперь, если вы меня извините, мне действительно нужно...

– Он же семейный человек, – воскликнула она, поднося руку ко рту. – Мне очень жаль слышать эту новость, Дэниел. Действительно, очень жаль. Патрик был очень добр ко мне на протяжении многих лет. Очень справедлив. Очевидно, время от времени он выходил из себя, но... – Она осеклась. «О мертвых – хорошо или ничего». – Вы, должно быть, потрясены. Его бедные дети. И его родители! Как ужасно потерять ребенка. Они, должно быть, убиты горем.

Дэн сглотнул, вспоминая о маме, рыдающей на похоронах, в то время как глаза отца оставались сухими; единственным признаком его волнения был носовой платок, который он комкал в руках.

– Да, – пробормотал он.

– И вы сказали, что это был несчастный случай, не так ли? Какого рода несчастный случай?

Дэн попытался вернуть контроль над разговором.

– Если вы не возражаете, – сказал он, – я бы предпочел не говорить об этом. – Слава богу, похоже, это сработало. Прежде чем она успела спросить его о чем-нибудь еще, он направился к двери, хотя она сразу же встала, чтобы последовать за ним. В его голове промелькнуло видение, как он пытается покинуть помещение, а Розмари цепляется за его ноги, чтобы остановить его, продолжая задавать вопросы. – Спасибо за кофе, – сказал он, проделав путь по коридору и избежав регбийного захвата. – Приятно было познакомиться.

– Скоро увидимся, – крикнула она, когда он скрылся.

«Лучше бы не надо», – подумал Дэн. Он поднял руку и продолжил идти. Быстро, пока его не заарканили и не втащили обратно.

Остальная часть недели Дэна оказалась неожиданно напряженной. Долгие пустые дни, проведенные в постели, остались в прошлом, теперь он разбирался со всеми нерешенными проблемами, которые возникли у арендаторов Патрика. Для семьи на Аделаида-Гроув были установлены новые замки. Согласована дата отъезда с парнем с Уайтклифф-роуд. Встреча,

организованная с агентом Патрика по сдаче жилья, касалась рекламы недвижимости, которая скоро должна была освободиться. Хотя Дэн поклялся занять место своего брата только на время творческого отпуска, ему казалось, что он буквально следует по стопам Патрика, берясь за его работу.

Более того, он чувствовал, что его творческий отпуск был оживлен, спасен из челюстей поражения и перестроен, наполнен новой целью. С требующими внимания арендаторами и планом добрых дел он каждый день выходил на улицу, общался со всевозможными людьми, находил практические решения самых разных проблем. Это оказалось на удивление приятным. «Смена деятельности – это тоже отдых», – всегда говорила его мама, и он начал понимать мудрость этих слов.

Следовало признать, что заниматься бумажной работой оказалось не так весело. Насколько мог судить Дэн, у Патрика, похоже, не было никакой системы. Он установил периодические платежи, по крайней мере, по основам – газу, воде, электричеству и муниципальному налогу, – но также нужно было платить сантехникам, электрикам и слесарям, некоторые из которых стали посылать ему раздраженные напоминания. Разобравшись со всеми счетами, которые он смог найти, Дэн заметил отправленное по электронной почте напоминание от бухгалтера Патрика о том, что в конце этого месяца необходимо отправить ежеквартальные документы о возврате НДС за январь – март, и решил, что, вероятно, ему следует начать собирать необходимые счета и квитанции.

Именно тогда, пункт за пунктом просматривая банковские выписки, он заметил один платеж, для которого не было соответствующего бумажного счета: ежемесячный платеж в размере нескольких сотен фунтов для Л. Фокс с пометкой «Техническое обслуживание». Гонорар строителя? Он задумался. Художника или декоратора? Услуги по уборке? Это было странно, потому что, помимо этого конкретного получателя, другие перечисленные расходы были абсолютно очевидны. Там были квитанции на различные товары и услуги: плотник, штукатур, фирма по производству ковров, две бутылки средства для очистки канализации, бензин. Общее техническое обслуживание – бойлеры, сломанные замки и скрипучие половицы – похоже, всегда ложилось на самого Патрика, если судить по телефонным звонкам, которые получал Дэн.

Озадаченный, он повернулся к ноутбуку Патрика и отыскал файл с пометкой «Счета», пролистал старые электронные таблицы, чтобы выяснить, есть ли какая-нибудь дополнительная информация. Оплата производилась первого числа каждого месяца и была указана в колонке с пометкой «Общие», что не очень помогло делу. Охваченный любопытством, он еще раз просмотрел файлы. Кто бы ни получал эти ежемесячные платежи, он получал их на протяжении многих лет. Он заметил, что его пульс участился. Куда уходили деньги?

Его воображение разыгралось с новой силой. Патрик был замешан в отмывании денег? Переводил средства через свой бизнес-счет сомнительному человеку или компании? Он сморщил нос, не в силах до конца поверить в такой сценарий. Патрик был из тех парней, которые время от времени срезают углы, но Дэн был почти уверен, что он не был отъявленным мошенником. Может быть, его шантажировали? Но кто? Знала ли об этом Зои?

«Эти платежи определенно с душком» – подумал он, продолжая прокручивать страницу. Похоже, не было никаких документов, подтверждающих обслуживание: ни счетов компании, ни какой-либо корреспонденции. Как Патрику вообще удавалось протаскивать их мимо бухгалтера? Затем он, в конце концов, добрался до электронной таблицы семи с половиной лет давности и заметил, что тогда этот платеж еще не производился. Хорошо. Таким образом, таинственный перевод уходил с банковского счета Патрика в течение семи лет и трех месяцев. Вопрос заключался в следующем: следует ли Дэну заняться этой маленькой загадкой или закрыть на нее глаза? Если у Патрика были какие-то неприятности или сговор, а Зои ничего не замечала, Дэн, конечно, не хотел втягивать ее в еще одну драму. Но все равно, учитывая, что

он вынужден разбираться с декларацией по НДС, его могли привлечь к юридической ответственности за все, что произошло до этого.

Дэн вернулся к исходному электронному письму бухгалтера и нашел номер телефона. Черт возьми, он собирался выяснить, в чем дело, хотя бы для собственного спокойствия, если не по иной причине.

– Привет, – сказал он, дозвонившись до нужного человека. – Я готовлю декларацию Патрика Шеппарда по НДС и хотел уточнить платеж, потому что не могу найти никаких соответствующих документов... Да, каждый месяц он проходит как «Техническое обслуживание». Не могли бы вы сообщить мне получателя, чтобы я мог отследить.

Он запнулся, не задав вопрос до конца, потому что ему только что пришло в голову, что существует несколько видов оплаты за обслуживание. Один – фактическое обслуживание имущества, как он изначально предполагал. Но ведь есть еще такая вещь, как выплата алиментов на ребенка? Что, если... О боже. Нет, конечно, нет!

– Ее зовут Лидия Фокс, – сказал бухгалтер. – Получатель платежа.

– Понятно, – выговорил Дэн внезапно охрипшим голосом. Он не хотел больше ничего знать. Должен ли он? – Ясно. Спасибо.

Он повесил трубку, а в голове возникла совершенно новая и ужасная картина. Лидия Фокс. Твою мать. Во что ввязался Патрик? Более того, что, черт возьми, с этим делать Дэну?

Ранним утром Зои почувствовала теплое дыхание на шее и маленькое извивающееся тельце. Она приоткрыла глаз и увидела, что Би забралась к ней в постель, и в этот момент до сознания дошел запах: слабый запах аммиака, который означал, что Би снова намочила постель.

– Несчастный случай? – пробормотала она, поворачиваясь, чтобы обнять дочь и гадая, который сейчас час.

– Да, – последовал ответ. – Но не волнуйся, на игрушки не попало. И я сменила трусики.

– Хорошо, – сказала Зои, заставляя себя снова погрузиться в сон.

В последнее время это случалось часто. Фактически почти каждую ночь с тех пор, как умер Патрик. «Каждый переживает потерю по-своему», – говорилось в брошюре о горе, которую ей всучил лечащий врач. До сих пор горе Итана проявлялось в безмолвном уходе в себя и случайных вспышках ярости с побелевшим лицом; Гейба – в громких упорных спорах; Би – в рыданиях, настойчивом желании в любой ситуации надевать костюмчик единорога и мокрой постели. Зои, со своей стороны, все еще чувствовала себя так, словно переживает собственный фильм-катастрофу и в любой момент может угодить под обвал. Иногда – и гордиться здесь было нечем – ей даже хотелось, чтобы упомянутый обвал поторопился и избавил ее от страданий.

«Попробуйте перед сном принимать приятную лавандовую ванну», – посоветовала доктор Гупта, явно не желавшая прописывать снотворные таблетки, несмотря на просьбу Зои. – Побольше тренируйтесь, чтобы к концу дня вы физически уставали. А как насчет того, чтобы поговорить с психотерапевтом, просто регулярно делиться своими мыслями с другим человеком? В конце брошюры, которую я вам дала, есть номер телефона, если захотите узнать больше. Ну и, конечно, я могла бы порекомендовать пару человек, которые могут помочь».

Зои вежливо поблагодарила, но знала, что не станет утруждаться. У нее не было сил обзванивать всех в попытке устроить себе терапию.

«Приходите через две недели, и посмотрим, как у вас дела», – сказала под конец доктор, но Зои до сих пор не записалась на следующий визит. Какой смысл?

Дыхание Би стало глубже и медленнее, она зачмокала губами. Было слишком темно, чтобы разглядеть что-то кроме очертаний, но Зои могла представить, как лицо дочери смягчается и становится вялым, ее снова затягивает сон. Бедные ее малыши: такие растерянные, такие

травмированные, такие потерянные. Даже сейчас, спустя несколько недель, казалось невыносимым, что Патрика больше нет рядом, чтобы утешить их и ее, рассмешить, сплотить их. Она не хотела каждую ночь делить постель с дочерью; она хотела, чтобы рядом был муж, лежал плотным утешительным холмиком под одеялом, чтобы его размеренное дыхание было ночным саундтреком ее жизни. Ей хотелось обнять его – в тысячу, в миллион раз сильнее, – чтобы они могли крепко прижаться друг к другу, чтобы его тело оставило отпечаток на ее теле... Но его нет. Она никогда больше не сможет обнять его.

Другие женщины, которых она знала, все время жаловались на своих мужей – таких ленивых, таких легкомысленных, таких эгоистичных, – и, конечно, она сама время от времени криковала за это Патрика. К этому списку можно было добавить то, что он был безрассуден с деньгами, ужасно флиртовал, всегда бросал свою грязную одежду на пол в спальне, вместо того, чтобы положить ее в корзину для белья. Но она с радостью приняла бы все это и никогда больше не жаловалась, если бы только могла вернуть его. По крайней мере, тогда у нее была бы возможность извиниться за их последнюю ссору.

«Не думай об этом», – поспешно сказала она себе. Ночами, когда она лежала без сна в темноте, ее мысли почти всегда возвращались к ужасным вещам, которые она сказала в тот последний вечер, как будто это было ее личное чистилище. Ей предстояло нести очень тяжелый крест.

Она заставила себя вспомнить Патрика в один из его самых героических часов. Когда Итан был совсем крошечным, они жили в Илинге в убогой квартирке на первом этаже, и к входной двери начали подбрасывать неприятные записки. «Скажи своему отродью, чтобы перестал плакать, или я приду, чтобы заставить его заткнуться!» – угрожали в записках. Итану было три месяца, и у него были колики, и да, он действительно много плакал днем и ночью, но Зои делала все возможное. И, бледнея, читала записки. Она обошла дом и кротко извинилась перед сварливой женщиной лет пятидесяти с лишним, которая жила по соседству, но соседка быстро ее отшила. «У некоторых есть работа, на которую нужно идти! Я пожалею в совет, если так пойдет и дальше – вызову к вам социального работника». Измученная ранним материнством и запуганная сердитой женщиной, Зои ничего не сказала Патрику, но затем, несколько ночей спустя, после того как у Итана был особенно мрачный день, около двух часов ночи из-за стены донеслась громкая музыка, напугав их всех и заставив Итана зарыдать с широко раскрытыми от страха глазами.

«Держу пари, это снова та женщина», – сказала Зои, пытаясь успокоить перепуганного сына.

«Какая женщина?» – спросил Патрик, вставая с кровати.

Зои не хотела втягивать его в эту ситуацию, но в итоге показала Патрику записки. Это было похоже на пробуждение супергероя или активацию чего-то изначального и фундаментального, генетического кода, в котором прописана ЗАЩИТА ЖЕНЩИНЫ И РЕБЕНКА.

«Так», – сказал он, стиснув зубы, а потом направился напрямик к соседке, чтобы нанести яростный ответный удар. Музыка стихла почти сразу, и Зои услышала, как женщина кричит: «Ну, теперь ты знаешь, каково это – просыпаться ночью от ужасного шума. Раздражает, не правда ли?»

Но Патрика было не остановить. На самом деле он был великолепен. «Как вы смеете, – услышала Зои его ответ. – Как вы смеете писать нам свои жалкие записки, угрожая моему сыну и изводя мою жену? Я раздумываю над тем, чтобы позвонить в полицию. Как думаете, это вам поможет? Станет лучше? Вы хоть представляете, как устает моя жена, как много мы пережили за последнее время? Она потеряла две pinty крови, когда рожала, вы знали об этом? Нет. Потому что вы не потрудились даже спросить. Меня тошнит от таких, как вы. И я не хочу больше слышать от вас ни слова на эту тему, вы меня поняли? Больше ни слова. Иначе, помоги мне бог, я могу сделать то, о чем потом пожалею».

«Мой герой», – подумала Зои, когда за ним захлопнулась дверь. Великий защитник. С того момента, как она обнаружила, что беременна Итаном, Патрик был самым любящим мужем, лучшим отцом на свете. Но теперь у нее никого не было. Нужно было все делать самой, сражаться в собственных битвах и убирать собственный беспорядок. Пару дней назад после наступления темноты в дверь позвонил какой-то случайный парень, попросил денег, на что она вежливо отказала и закрыла дверь, но потом обнаружила, что нервно прислушивается, опасаясь его возвращения, и желает, чтобы рядом оказался Патрик, просто для безопасности. Иногда, когда она просыпалась ночью, как сейчас, она слышала вокруг дома странные звуки, ей казалось, что кто-то пытается вломиться. К этому времени она уже разработала план действий – разбудить детей, надежно запереться с ними в ванной и набрать 999⁹, но даже в этом случае вряд ли это был подходящий способ провести предассветные часы.

«Видишь? Это то, с чем мне сейчас приходится иметь дело из-за того, что ты был достаточно глуп, чтобы умереть, – яростно подумала она. – Лежу здесь без сна, воображая самое худшее. На днях рыдала на улице, как сумасшедшая». По крайней мере, на этом фронте она загладила свою вину – утешала она себя. Сегодня утром она вернулась в бутик, где женщина была так добра к ней, и сунула ей в руку букет бархатистых лиловых анемонов, покраснев и бормоча извинения. Женщина, слава богу, оказалась милой, сказала, что ей совершенно не нужно извиняться, и даже записала свой номер на визитной карточке «на случай, если когда-нибудь захотите поболтать».

А еще оставались вопросы. Много вопросов. Оставался вопрос о том, что именно произошло между Патриком и Дэнном в ту роковую ночь, – что-то, о чем Дэн наотрез отказывался ей рассказывать. «О чем вы вообще говорили в пабе?» – спросила она его после того, как смерть Патрика была подтверждена, когда все они на ощупь пробирались через ужасный новый пейзаж тяжелой утраты. Она хотела разобраться во всех деталях этих последних часов, изучить каждую подсказку, которая могла бы объяснить, почему Патрик ушел один и что могло с ним случиться. Она также отчаянно хотела узнать, что Патрик рассказал о ней, об их ссоре. Например, знал ли об этом Дэн? Выглядело так, будто Патрик покинул мир, рассорившись с двумя самыми дорогими и близкими людьми, и это разбило ему сердце. Но Дэн был неразговорчив; пряча глаза, он уставился в пол и пробормотал, что не может вспомнить, они оба слишком много выпили.

«Но ты помнишь, как разозлился настолько, что сказал, что он не может остаться у тебя; помнишь, как послал его по дороге вдоль реки навстречу смерти?» – резко спросила она, и это прозвучало скорее как крик.

«Зои, это не поможет», – сказала мама, успокаивающе положив руку ей на плечо, а Дэн не ответил, просто вздрогнул, а затем избегал ее взгляда.

С тех пор это не давало ей покоя: его пристальный взгляд сверху вниз, словно он поднял разводной мост. «Я не помню». Да, верно. Похоже, он все-таки помнил, но что-то не давало ему сказать ей. Что? Защищал ли он ее, скрывая неприятные, осуждающие замечания, высказанные о ней Патриком? Может быть, поэтому Дэн все это время держался в стороне? Неужели теперь он ненавидит и винит ее в том, что его брат утонул? Боже, можно сойти с ума и впасть в паранойю, но она не могла заставить себя задать эти вопросы вслух. Она не хотела, чтобы ей сказали: да, муж пошел на смерть, злясь на нее, обиженный после их ссоры. Это прикончило бы ее. Уничтожило то небольшое, что от нее осталось.

А теперь Дэн появился у ее двери с видом кающегося повесы, и она знала, что он пытается поступить с ней правильно, но даже теперь ее продолжали терзать сомнения и подозрения. Что на самом деле произошло той ночью? Что заставляло Дэна молчать? Так или иначе, она знала,

⁹ 999 – телефонный номер полиции в Британии.

что ей придется из него это вытянуть. Как только она почувствует себя достаточно сильной, чтобы справиться с любой неприятной правдой.

Глава седьмая

В воскресенье Лиз Шеппард исполнилось семьдесят лет, и вся семья собралась на праздничный обед в «Большой Медведице» – впервые все вместе после похорон Патрика. Едва увидев мать, Дэн понял, что она плакала: она шмыгала носом, тушь размазалась вокруг небольших отеков под глазами.

– Счастливого дня рождения, мама, – сказал он, обнимая ее.

– Как может он быть счастливым, когда моего старшего сына с нами больше нет?

Она слотнула, он крепче обнял ее и обменялся с отцом расстроенными взглядами. Было ли несправедливо со стороны Дэна сказать, что он всегда чувствовал себя вторым любимым сыном? На протяжении всего их детства Патрик неизменно был тем, кто прыгал выше, бил сильнее, очаровывал каждого встречного. Патрик был выше, красивее, смешнее, успешнее, в то время как Дэн был... ну, вроде придурка. Неудачника.

После смерти Патрика никто не сказал вслух: «Не тот сын умер», но Дэн был почти уверен, что его мама в какой-то момент так подумала. Даже сейчас, по прошествии нескольких недель, она с трудом могла смотреть ему в глаза.

– Мы постараемся сделать его счастливым, – сказал он через мгновение. – Поднимем бокал за Патрика. Уверен, он смотрит на тебя с небес, где бы он ни был. – Лично он не заморачивался с понятиями о загробной жизни, но его мама была убежденной верующей католичкой. – И он хотел бы, чтобы ты была счастлива сегодня, разве нет? В твой день рождения.

– И все-таки, осиротевшая мать в День матери. Что может быть ужаснее?

Проклятие. Это еще и День матери? Он украдкой огляделся, заметив, что паб полон улыбающихся женщин, расположившихся во главе каждого столика. На соседнем столе лежал блестящий воздушный шарик из фольги с надписью «Лучшая на свете мама» – да, и список «Специальных блюд на День матери», написанный мелом на доске рядом с баром. Черт возьми. День матери. Как он умудрился это пропустить?

– Хороший повод вспомнить, какой замечательной мамой ты была для него – и остаешься для меня, – сказал он после короткого колебания, задаваясь вопросом, получится ли вскрыть свой конверт с открыткой на семидесятилетие и добавить туда дополнительное поздравление с Днем матери. Скорее всего, нет. – Давай я принесу тебе выпить. Чего ты хочешь?

Она снова высморкалась и моргнула.

– Боже мой, я, должно быть, ужасно выгляжу, – сказала она, роясь в сумочке в поисках складного зеркальца и пудры. – Пожалуйста, Дэниел, большой бокал совињон блан. – Она посмотрела на свое отражение, отряхнула с лица пудру. Лиз Шеппард, с ее шикарными серебристыми волосами, эффектными украшениями и элегантными сумочками, всегда заботилась о своей внешности. Однако сегодня она выглядела... ну, на самом деле довольно неряшливо, хотя она убила бы Дэна за такие слова. Обычно он не замечал такие вещи, но даже он видел, что ее волосы нуждаются в стрижке, а темно-синее платье помято.

– Очень большой, если ты понимаешь, что я имею в виду.

– Сейчас принесу ведро вина, – подтвердил он и тут вспомнил свою таблицу дома на холодильнике. Конечно! Ему следовало бы также включить в план своих родителей, чтобы попытаться заполнить пробелы, которые оставила в их жизни смерть Патрика. Он нежно сжал ее плечо. – Послушай, мам, я тут подумал. Есть ли что-нибудь, что Патрик делал для тебя раньше, что мог бы теперь сделать я? – спросил он. – Например... работа по дому или что-то еще?

Мама шмыгнула носом и убрала пудреницу.

– Нам не хватает того, как он заскакивал к нам, правда, Дерек? – жалобно сказала она. – Каждый раз, когда кто-то подходит к двери, я до сих пор думаю, что это может быть он, но...

– Да, – согласился ее муж, когда она замолчала, не в силах закончить фразу.

Он был неразговорчивым человеком, скупым на слова, как будто произнесение каждого из них стоило ему денег. Кроме тех случаев, когда он выходил из себя: уж тогда-то он извергал их по полной программе. Будучи маленьким мальчиком, Дэн однажды так испугался, когда его отец начал кричать на маму в машине за то, что она ошиблась с направлением, что обмочился и горячая жидкость просочилась через штанишки на виниловое заднее сиденье. Он до сих пор помнил, как, когда они, в конце концов, приехали и вышли из машины, мама вздохнула: «О, Дэниел», а Патрик порывисто обнял его.

– Заскакивал? – переспросил он. – В выходные, или?..

– Нет, на неделе. Он проезжал мимо и заглядывал выпить чашечку чая. Иногда помогал отцу, или ходил для меня за покупками, если у меня болели ноги, или... Ну, ты знаешь. Просто он часто у нас бывал.

Для Дэна это было новостью. Долгими часами недели, работая в своей стеклянной будке в Сити, он ни разу не заезжал так повидаться с мамой и папой. Ему и в голову не приходило, что Патрик может так их навещать.

– Верно, – сказал он, чувствуя, что упустил что-то очевидное. – Я понимаю. Что ж, может быть, мне стоит начать делать то же самое. – Он сделает то же самое, тут же подумал он. На этой же неделе придумает предлог, чтобы съездить в их маленький домик в Brentford и сыграть более активную роль в жизни родителей. – А пока позвольте мне принести напитки. Папа, чего бы ты хотел?

Он сбежал в толпу сыновей и мужей в баре, продолжая размышлять над тем фактом, что, похоже, пренебрегал родителями, в то время как Патрик явно не пренебрегал. Это было все равно, что обнаружить, что ты пропустил вечеринку, на которую были приглашены все остальные, – только в этом случае он должен был сам подумать о том, чтобы пригласить себя самого. Дэн всегда думал, что хорошо знает брата, но здесь было кое-что, о чем он не подозревал. Похоже, это была уже вторая вещь, о которой он не знал, потому что он до сих пор не смог отследить ту таинственную Лидию Фокс по платежам за «Техническое обслуживание», уходящим с банковского счета Патрика. Он искал ее по всем контактам на телефоне брата, просматривал учетные записи электронной почты и друзей в «Фейсбуке», но не нашел никаких следов. Кем бы ни была эта женщина, казалось, будто Патрик старался держать ее в секрете. Но кем она была для него?

«Должно же быть какое-то рациональное объяснение этим платежам», – твердил он себе. Должно быть. Его воображение рисовало всевозможные зловещие варианты, которые он не хотел даже рассматривать слишком пристально: была ли она любовницей, спрятанной в одной из его квартир? Патрик платил ей со счета своей компании, как будто она была каким-то коммерческим расходом, какой-то предоставляемой услугой? «Техническое обслуживание» навредило на мысль, что там должен быть ребенок, и это добавляло еще один уровень сложности. Но нет. Патрик плохо вел себя в прошлом – Дэн старался не заикливаться на этом, – но ведь это уже из области безумных фантазий, правда?

– Привет, дорогой, нас прислали мама и папа, – раздался голос, он повернулся и увидел в баре тетю Мэри и дядю Колина. – Я выпью немного хереса, если ты угощаешь, а Колин – пинту горького. Колин?

– Пожалуй, – сказал Колин, который всегда соглашался с женой. Если бы она сказала ему, что он хочет «Ягер-бомб»¹⁰ или «Пылающую самбуку»¹¹, он, вероятно, послушно кивнул бы.

¹⁰ «Ягер-бомб» – алкогольный молодежный коктейль, представляет собой смесь немецкого травяного ликера «Егермейстер» с энергетиком «Ред Булл». Отличается оригинальной, зрелищной методикой подачи.

¹¹ «Самбука» – итальянский ликер с ароматом аниса.

– Я думала, мы сегодня придем последними – Колин, как обычно, не мог найти свои очки, – но, как я понимаю, Зои еще не приехала, – сочувственно закудахтала Мэри. – Должно быть, ей, бедняжке, очень тяжело, особенно когда все дети такие... А, вот и она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.